

Исмаил Акаев

СЕРЕБРЕНИК

Исторический роман в трех частях

Исмаил Акаев

**Серебреник. Исторический
роман в трех частях**

«Издательские решения»

Акаев И.

Серебреник. Исторический роман в трех частях / И. Акаев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902383-4

Это не обычный роман, скорее публицистическое повествование о любви, долге и чести. Если вы хотите узнать другую правду о чеченской войне и при этом прочувствовать всю её боль — эта книга для вас. Трагичная и трогательная история о школьном учителе... Об отце и сыне... «На глазах кровоточит рассвет. Небо трупы купает, и рыдает земля. Вижу: птицы и звери — всё горит под огнем. Как же больно — мне спину режет стон. Что мне делать? Изменить ничего невозможно...»

ISBN 978-5-44-902383-4

© Акаев И.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
БЕЗМОЛВНОЕ ЭХО ВРЕМЕН	7
(литературно-философское размышление о романе «Серебреник»)	8
От Автора	11
ОТЕЦ И СЫН	12
Первая книга	12
Адат	13
I	13
II	20
Честь	23
I	23
II	28
III	32
Армия	35
I	35
II	39
III	42
IV	44
Грех Любви	47
I	47
II	50
III	52
Родина Отцов	54
I	54
II	58
Развал	60
I	60
II	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Серебренник

Исторический роман в трех частях

Исмаил Акаев

Иллюстратор Изнаур Акаев

Оформление обложки Янина Дикаева

© Исмаил Акаев, 2023

© Изнаур Акаев, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4490-2383-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Исмаил Акаев

СЕРЕБРЕНИК

Памяти жертв
русско-чеченской
войны 1994 -? годов
и моему отцу
посвящается

«На войне правда - первая жертва» Эсхил.

ПРЕДИСЛОВИЕ

БЕЗМОЛВНОЕ ЭХО ВРЕМЕН

(литературно-философское размышление о романе «Серебряник»)

Живы те, у которых есть возвышенная мечта.

Жан Батист де Ламарк

Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой в своих творческих дневниках утверждал, что: «Мысль о повествовании – есть граница между реальностью и выдумкой, которая таинственным образом прокрадывается в сознание человека и остается так и неразгаданной – в веках...». Так в чем же граница между реальностью и выдумкой романа «Серебряник» чеченского журналиста и начинающего писателя Исмаила Акаева? Итак, приоткроем завесу тайны...

«Светало. Село медленно просыпалось». С этого походящего на лермонтовское вступление начинается роман, погружающий читателя в мир неотразимых красок, которые призваны приоткрыть то таинство необъятного человеческого (порою неосознанного!) бытия, которое дано видеть (лишь мгновенно!), и, только «снаружи». Так что же творится там внутри в эфирной бесконечности и гранях художественных росчерков долгоиграющего силой порыва пера?

Познавая жизнь во всех ее проявлениях как источник благословенной и живительной влаги, призванную утолить всякую плотскую жажду, мы вступаем в головокружительное противоречие с собой, со своим непокорным Фрейдовским – «Я». Это обнаженным образом хорошо показано в романе. Автор осознает глубокое чувство ответственности, пытаясь донести суть до самой глубины его часто необъяснимого, но совершенного по форме понимания.

Так много говорится в романе о жизнеутверждающих и неисчерпаемых началах. Да, безусловно, жизнь – есть самая большая ценность, которая имеется у человека, ценность, цену которой мы не знаем или не осознаем (или не желаем осознавать) в повседневности наших тщетных исканий. Две стороны жизни – истина и ложь – две бесконечности, существующие наперекор всему сущему не оставляют в покое обезумевшего от страсти человека, полного зла и ненависти, чью наивность и переменчивость еще в античности заметил греческий философ Аристотель. Не потому ли главный герой романа Ибрагим так жадно рвется к истине, к истине, которую он считает источником человеческой жизни, совершенством, непревзойденностью. Сколько разбитых и растоптанных судеб вокруг него, сколько необъяснимого и непонятого чувства «беспристрастного» и раскаленного бытия. Но он один: в вакууме сущности, в забвении мысли, один... наперекор всему он жив и продолжает искать себя в этом мире. Хладнокровная месть не покидает героев повести. Месть (идущая в ногу с человеком с ветхозаветных времен) за обольщение жизненного порыва, кроющаяся в глубине человеческой души и в бесконечных коридорах памяти, она присутствует как символ незабвенности, ибо другого быть недолжно, да и не может быть:

О, вы, кто верует!

Предписано вам право.

За смерть (убитых близких) отплатить...

Можно ли сказать лучше, чем это сказано в Коране? – Наверное, нет.

...И в самом деле, сюжеты «Серебряника», заставляют глубоко погружаться в реальность дня вчерашнего, и томимо переходить в сегодняшний, в его бесконечное и понятное только лишь немногим посвященным таинственное и необузданное рвение. Наше поколение – одно из звеньев в бесконечной цепи поколений, живших и живущих на Земле. То, что мы пережили и продолжаем воспринимать как жизнь, – есть самое простое желание – Жить! Это желание присуще и героям романа Исмаила Акаева, так же как присуща глубокая философия любви, несущая в себе первооснову человеческого (столь неравносильного по щедрости) существования: «Сила любви – это божественная способность понимать, чувствовать друг друга без

слов. Любовь всегда озаряется светом слез, страстей, надежд, эгоизма и обид. Любовь пронизывает влюбленных от костей до мозга, от пят до кончиков волос. Влюбленные витают над бездной, отдают все и, ничего не требуя, умоляют друг друга быть, не исчезать, не оставлять, не покидать. И каждый, кто испытывал эти чувства, тонет в них, отдает свою душу, свои слезы, свое сердце. Любовь и смерть несовместимы. И только она, всепобеждающая любовь, заставляет говорить саму смерть языком любви, и только такая любовь называется человеческой. И лишь человек, одаренный божественным даром, способен на высокую любовь. С любовью ко всему сущему может относиться человек только доброй души».

Настолько чист и в то же время порочен мир чувств и идей, в котором живут герои романа, настолько наивно их понимание и ощущения окружающего, что происходящее столь ненавязчиво протекает в двух параллельных измерениях. Роман пронизан историей не только отдельных личностей, но и целого чеченского народа, его величайшими трагедиями – депортаций и войной. В ней воплотилось некое мистическое и сакральное соотношение прошлого и настоящего, сквозь призму современного безличия и отрицания всецелости. Когда-то Карл Ясперс сказал: «Мы стремимся понять историю как некое целое, чтобы тем самым понять и себя». Несомненно, он был прав, даже в силу того, что история (даже самая горькая, перечеркнутая одним росчерком небрежного пера) всегда остается – историей.

Возвращаясь к роману, к ее трагичности и неоднозначности мне припомнились слова величайшего поэта серебряного века Марины Цветаевой, которые всецело отображают мнение многих героев романа «Серебряник», хотя в глубине души у них кроется немой протест:

*...А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем:
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени
На стенах...*

Роман «Серебряник» полон трагических судеб, судеб лишенных смысла, созерцания, и в то же время в нем живет неиссякаемый и кровоточащий порыв все к той же человеческой жизни. Художественный мир романа – как сказал отец французской революции Жан Поль Марат -«*assezimmoral*»^[1], лишенный всякого бдения, хотя с самого начала и до конца им пронизан.

Литературно-сценическую композицию романа можно охарактеризовать как довольно богатую сюжетами, насыщенную смысловым содержанием. Автору очень хорошо удалось соблюсти рамки историчности, не заходя за границы чувственно-визуального творчества. В произведении, в основу которого легли реальные события, очень четко чувствуется, как автор владеет не только историей как таковой, но и современными политическими процессами, которые стали частью не только современного общества, но и данного произведения.

Мне думается, что первое литературное детище Исмаила Акаева можно назвать удачным. В нем оседает полноценный взгляд на жизнь, готовый перебороть былое, превзойти утопические реалии сегодняшнего дня. Это не только романическое повествование, но и емкий исторический труд, и целое философское размышление, вобравшее в себя понимание и осмысление, как отдельной человеческой жизни, так и целой трансформационной эпохи полную человеческих безумств. Каждый день уникален по своему животворному содержанию, он несет в себе еще не свершившуюся историю, воплощение которой в «прошлое» может дать только его целостное осознание.

Как мне кажется, роман «Серебряник» сумел отобразить то целостное осознание времени, которое порою невозможно высказать, или показать другим образом, донести до всеобщего понимания. В мою задачу не входила критика в широком смысле этого слова. Передо мной был полноценный литературный материал, наполненный историческими событиями, который требовал от меня лишь одно – высказать мое личное мнение. И мне (как мне пред-

ставляется) это в какой-то степени удалось. Я могу судить лишь как человек, которому, как и любому присуща индивидуально-критическая субъективность. Окончательное слово всегда остается за широким читателем, которому доверена не простая роль – судьи. Мой мир, мир человека философии и исторической непредсказуемости, стал, несомненно, намного богаче во взглядах на человеческую жизнь, его философское понимание и мир в целом (по крайней мере, я это созерцаю и принимаю). И это в какой-то степени благодаря завораживающему роману – «Серебреник». Мне думается, что ему предстоит нелегкая судьба своего рода первопроходца, несущего в себе безысходность («совершенство») современной постбиблейской жизни. Как не уставал повторять французский философ-просветитель Жан-Жак Руссо: «Время покажет...».

Насрудин Ярычев, историк

член молодежной палаты литературного совета ЮНЕСКО,

доктор философских наук

[1]довольно безнравственный (фр.).

От Автора

*Нет ничего более унижительного,
чем лицемерное раболепие.*

Созерцание жизни куда более приятнее, чем «рисование» смерти. И сколь суровы и мрачны ни были мои образы в содержании этой книги, они являются образами правды, той самой суровой действительности, в которой жили мои герои и мы с вами. Правда и то, что у этой правды есть свое долгое эхо. Эхо, к сожалению, боли, обманутых надежд, несправедливости, несоизмеримости человеческих страданий, эхо, которое мы будем долго и долго слушать в нашей памяти и в наших потомках. До боли в душе хочется верить, что этот отзвук когда-то исчезнет, перестанет звучать в сердцах, в душах и в потомках. Но, к сожалению, в памяти зло оставляет долгий и протяжный отзвук.

Светлой памяти, всем тем, кто стал жертвой в этой страшной, авантюрной, смертоносной войне. Неважно нам как знатоки – авантюристы, к какому «разряду» относят события произошедшие в Чеченской республике, на земле чеченцев, где всегда упрямство чести и благородства считалось достоинством в тысячелетиях. Важно то, чтобы сам чеченский народ осознал и осмыслил произошедшее с ним. И крайне глубоко важно, чтобы мы всегда могли раскрывать в себе все доброе, светлое, гордое, благородное, стойкое, волевое и духовное средоточие, объединить все это вокруг себя и восстать из тени зла, в свет озарения, оставляя своим потомкам сознание личности душевный мир и светлое процветание.

*Исмаил Акаев
2001 г.*

ОТЕЦ И СЫН

Первая книга

Адат

I

Светало... Село медленно просыпалось. Но в доме Заурбека уже давно никто не спал. Здесь собрались почти все мужчины из рода Тасуевых. Они обсуждали то, что должно было свершиться в ближайшие часы. Это событие все они, и особенно Заурбек, ждали без малого четверть века.

Заурбек не принимал участия в беседе. Он хмуро сидел в дальнем углу комнаты и со стороны казался если не сломленным, то, по крайней мере, утомленным бременем пережитого. Длинные седые волосы и длинная борода подчеркивали его усталость и состояние обреченности.

Тяжелые думы одолевали Заурбека. Перед его глазами одна за другой, как наяву, пронеслись картины прошлого. Он видел переполненные людьми холодные вагоны, уносящие их в далекую и трагическую неизвестность, угрюмые лица конвоиров, безжизненные тела на полустанках, заносимые снегом. Он видел и как будто заново ощущал нежные руки матери, которые своим теплом старались сохранить жизнь в его тщедушном мальчишеском теле, спасая его от февральских морозов.

А дальше память унесла его в тот страшный день, который наступил в его жизни через 5—6 лет после выселения чеченцев в Казахстан.

Умом и сердцем он понимал, что не мог тогда поступить иначе.

Чеченец Дога, который славился своим нехорошим поведением, нанес ему оскорбление, которое по законам адата смывается только кровью – он незаслуженно оскорбил имя матери Заурбека. Завязалась драка, на сторону Доги встали его друзья. Силы были неравны, и Заурбек ударил обидчика ножом. Хотя рана была не очень тяжелой, Дога умер из-за сильной потери крови.

Заурбек тоже был в этой драке тяжело ранен, однако тем не менее его судили. После длительного лечения в госпитале, он получил 10 лет строгого режима.

Примерно в это же время шел другой суд – суд адата, на котором решающее слово было за родственниками покойного Доги. Они присудили Заурбека к смертной казни, с отсрочкой до удобного случая. И он знал, что приговор этот рано или поздно будет приведен в исполнение.

В цивилизованном мире закон кровной мести воспринимается как варварский пережиток. Но для чеченцев, в их трагической истории вечных войн за свободу и независимость, очень часто единственным законом, удерживающим людей от совершения человекоубийства, является закон кровной мести.

В Коране об этом сказано:

О, вы, кто верует!

Предписано вам право.

За смерть (убитых близких) отплатить.

За жизнь свободного – свободный,

И раб – за жизнь раба,

И за жену – жена.

Но тот, кому собратом будет прошено,

Благодеянием разумным должен возместить.

Сие для вас – Господне облегчение и милость.

Того же, кто после этого дозволенный предел преступит,

*Мучительная кара ждет.
В Законе этом
Кроется сохранность вашей жизни —
О, вы, кто обладает разумьем! —
Чтоб благочестие могли вы обрести
(Сура 2 корова аяты 178, 179, перевод
Иман Валерии Пороховой)*

Заурбек был амнистирован в 1953 году, после смерти Сталина. Он женился, появился перенец Саид. Казалось, что жизнь снова вошла в размеренное русло, чередуя день за днем.

Но вскоре умерла мать, не выдержав непомерной тоски по родине и своему мужу, который героически погиб при обороне Брестской крепости в 1941 году.

В память о нем остался лишь пожелтевший треугольник его письма с фронта, который она бережно хранила.

Многие чеченцы в Великую Отечественную войну защищали Родину на полях сражений. Только в одной Брестской крепости в первые дни войны героически погибло более двухсот чеченцев. Но, умирая за Родину, они даже и представить себе не могли, что вскоре всех чеченцев и ингушей назовут пособниками гитлеровской Германии и вышлют в Сибирь, Казахстан и Киргизию. Произошло это 23 февраля 1944 года, в день Советской Армии.

Хоронили Реадат на следующий день после смерти. Траурная процессия с заунывными молитвами двинулась на кладбище. Милой, доброй, заботливой мамы Заурбека не стало.

Несмотря на помощь родных и близких, Заурбек не смог похоронить свою мать должным образом как требуют этого обычаи предков. Скучным было и поминальное угощение. Вместо надгробной плиты в изголовье могилы Реадат положили небольшой камень. Прах Реадат и поныне покоится в казахской земле, а ведь надо бы перевезти на родину и перезахоронить по обычаю. Но нет пока ни сил, ни средств. Заурбек надеется, что когда-нибудь он или его сыновья сделают это.

В 1957 году чеченцы и ингуши, словно грачи, изголодавшиеся по родным местам после продолжительной и суровой зимы, потянулись на Кавказ, окрыленные радостью встречи с родиной. С тоской и грустью провожал Заурбек шумные толпы своих соплеменников. Ему путь на родину был закрыт из-за кровной мести. И он остался на чужбине. Жилось трудно, но выручали навыки, полученные в местах заключения, и природное трудолюбие. Семья Заурбека жила не лучше и не хуже других. Радовал успехами в школе Саид, родилась дочь Зарган, а затем сын Ибрагим.

Обнадеживающие вести получал Заурбек с Кавказа. Там его родственники через старейшин вели долгие и упорные переговоры с родственниками Доги о его судьбе. Ведь Заурбек по законам адата не мог вернуться на родину из-за кровной мести, проявляя этим уважение к пострадавшей стороне.

Шли годы...

Заурбек с семьей тайно переехал в Чечню, получив на это разрешение старейшин своего рода. Но не в родное селение, которое находилось в предгорье, а на хутор в степях, на левобережье Терека. Здесь он жил скромно и незаметно, работал на земле не разгибая спины.

Выросли дети. Окончил школу, а затем юридический факультет университета старший сын Саид. Получив профессию врача, вышла замуж Зарган. Младший Ибрагим учился в школе. Высокого роста, спортивного телосложения, он обладал добрым нравом и стал хорошим помощником отцу. Из всех детей Заурбека Ибрагим был самым внимательным и отзывчивым.

Заурбек никогда и никому не признавался в своем особом отношении к Ибрагиму. Но все равно в каких-то мелочах он выдавал себя и свою любовь к нему.

Институт кровной мести – это особая страница уклада жизни чеченского народа, которую с их жизненного календаря не смогла вырвать даже железная рука Советской власти.

Примирение кровников согласно чеченскому адату имеет свой строгий ритуал, проведение которого никого не оставит равнодушным.

По договору, на условленное место первыми прибывают представители потерпевшей стороны. Причем место выбирается в стороне от населенного пункта, желательно в равнинной местности. После прибытия родственников убитого к месту примирения, туда направляется посредник, который в весьма уважительной форме обращается к ним и сообщает о готовности кровников выслушать их «приговор». Получив разрешение для виновной стороны на прибытие к месту ритуального события, посредник возвращается. И лишь после этого представители стороны, пролившей кровь, начинают свое шествие. К месту встречи они должны идти пешком. Впереди процессии, в окружении ближайших родственников (отца, братьев, сыновей), идет кровник, одетый в длинный до пят плащ, с закрытой головой и лицом. За ним выстраиваются, по степени родства, его близкие, а далее следуют представители его тейпа [1].

Не доходя несколько метров до родственников убитого, процессия останавливается. Начинается долгий диалог между старейшинами из двух враждующих тейпов. Причем старейшины должны иметь духовный сан, либо непререкаемый авторитет в народе. Если в роду такового не имеется, то приглашается авторитетный представитель из тейпа или из села. В результате этого диалога достигается компромисс, о котором сообщается обеим сторонам. Кровник помилован, но действие на этом не заканчивается. Слово берет старейшина, представляющий потерпевшую сторону. Он обращается с речью к собравшимся. Она адресована, в основном к молодежи. В этом обращении приводятся суры из Корана, в которых говорится о величайшей ценности человеческой жизни как неповторимого феномена природы, созданного Всевышним творцом всего сущего на земле – Аллахом. Он говорит, что правом отнимать человеческую жизнь обладает только Всевышний Аллах. Говорит о необходимости почтительного отношения к старшим и об уважительном отношении людей друг к другу, приводит примеры из жизни чеченского общества. Словом, в этой речи говорится о морально-нравственных и этических нормах человеческого общежития. В конце своей речи он объявляет собравшимся о принятом решении и завершает ее благодарственной молитвой, обращенной к Аллаху, за то, что он дал разум собравшимся свято блюсти основную заповедь Корана, а суть ее в следующем: «смерть за смерть невинно убиенного, но если функция судьбы будет передана в руки Аллаха, Аллах зачтет этот поступок как поступок достойный высокой похвалы и награды с Его стороны».

Затем слово берет старейшина виновной стороны. Он благодарит потерпевшую сторону за высокую милость и благородство, оказанное ею во имя Аллаха, причем в его речи напрочь отсутствует спесь и высокомерие, и выдержана она в спокойных тонах. После этого начинается процесс рукопожатия. Присутствующие подходят друг к другу ижимают руки. Все представители виновной стороны поочередно при рукопожатии благодарят представителей потерпевшей стороны за оказанную им милость. Действие заканчивается.

На очереди последний и решающий акт этого гуманного процесса. Недавние враги собираются в круг; в середине ставится стул, на который усаживается кровник. К нему подходит ближайший родственник убитого и открывает миру и свету, склоненную в смирении голову. В руках у него острый, как бритва, кинжал. Им ему предстоит побрить наголо голову и лицо человека, который каких-нибудь полчаса-час назад был его кровным врагом и которого он в то время непременно убил бы (если так угодно Аллаху). Но сейчас обстоятельства изменились по воле Аллаха. Аллах не дал поселиться в их души дьяволу, ниспослал мир между двумя враждующими родами. Теперь у человека, стоящего с кинжалом в руках напротив своего кровного врага, роль не мстителя, а миротворца. С именем Аллаха на устах он начинает, пожалуй, самую тяжелую работу в своей жизни. Он побеждает дьявола, он побеждает в себе зверя и дикаря. Он доказывает себе и окружающим, что он смиренный раб Аллаха, и что слово, данное им, крепко

и вечно, и что он и все его родственники прощают убийцу навеки веков. Предания гласят, что в истории были случаи, когда рука бредущего имела несчастье «вздрогнуть» и обгадилась кровью. Тогда в смертельном бою сходились обе стороны и бились друг с другом не жалея жизни.

Вероятно, история знала таких отщепенцев, раз существуют эти предания. Недаром, наверное, запрещено присутствие женщин в подобном месте. И младшие или единственные сыновья кровников не имеют права участвовать в ритуале примирения, а находятся дома или в укрытии. Но история последних, по крайней мере, ста – ста пятидесяти лет не знает примеров нарушения слова, данного кровникам, чему являются свидетелями седобородые старцы – хранители памяти народной.

Утро вступило в свои права. Медленно просыпались терские долины. Блеяние овец, мычание коров, лай собак раздавались со всех концов небольшого хутора, затерянного в терских степях. Заурбек внезапно очнулся от дум.

Приготовления к долгожданному событию были почти закончены. Еще раз, обговорив все детали предстоящего, старейшины дали указание погрузить на грузовик трехгодичного бычка, два мешка муки и столько же сахара. Бычок и продукты предназначались для семьи Доги. Были приготовлены также пять тысяч рублей как единовременная выплата родным Доги. Материальная компенсация также предусматривается адатом и, в зависимости от того, к какому соглашению пришли договаривающиеся стороны, достигает того или иного размера, но не должна превышать стоимости сорока коров. Из-за давности происшедшего, с учетом всех обстоятельств, родственники убитого отказались от нее. Но родственники Заурбека, отдавая дань уважения роду Доги, решили, что они привезут с собой и еще раз предложат эту символическую компенсацию. Закончив все приготовления, мужчины поехали на условленное место, – туда, куда было удобно подъехать и где могли собраться представители обеих сторон.

Младшему сыну Заурбека Ибрагиму, в этот ответственный для всего рода день по обычаям адата, а также по просьбе отца пришлось остаться дома. В случае несчастья и гибели мужчин в возможной схватке Ибрагиму была отведена роль продолжателя фамилии Тасуевых. Хотя это было высокое доверие, но юноше казалось, что ему отвели не очень достойную роль в столь решающий момент для судьбы его отца и всего рода.

Колонна из многочисленных автомобилей и автобусов тронулась в путь, ей нужно было проехать до условленного места почти сто пятьдесят километров. Провожавшие их люди желали Заурбеку и его родственникам счастливого избавления.

Буквально через несколько минут после прибытия процессии на место встречи к собравшимся подъехал автомобиль «Волга» черного цвета, из которой вышел представительного вида мужчина чеченской национальности, явно работник спецслужб, и попросил подойти к машине кого-нибудь из приехавших. Быстро перекинувшись несколькими словами, старейшины решили направить для переговоров с предполагаемым сотрудником КГБ Саида – сына Заурбека.

Саид подошел к «Волге», и после ритуального приветствия он и незнакомец сели в машину. Разговор длился для ожидающих очень долго, хотя на самом деле не прошло и двадцати минут. По окончании разговора Саид вышел из машины, а вместе с ним уже двое сотрудников КГБ, один из которых, старший по званию, был русский. В советские времена все высшие должности во всех силовых структурах республики занимали русские, и любое задание, которое выполнял чеченец сотрудник спецслужб, всегда контролировал русский.

Вышедшие из «Волги» распрощались с Саидом, сели обратно в машину и уехали. Саид вернулся к процессии, и после того как старшие спросили его о разговоре с непрошеными гостями, он объяснил, с чем пожаловали представители спецслужб. Появление их в таком месте ни для кого не было неожиданностью. Хотя большей частью такой визит заканчивался просто беседой, как в этот раз, они подчас вносили немало неприятных и непредсказуемых корректив в регламент подобного процесса. В рамках объявленной партией борьбы с институтом кров-

ной мести каждый случай кровной вражды между многочисленными чеченскими родами был известен КГБ. И эта организация делала все возможное, чтобы искоренить институт кровной мести в чеченском обществе.

Целью сегодняшнего визита являлась прежде всего демонстрация силы и вездесущности Комитета как всезнающего и все сильного органа, мимо которого ничего не проходит незамеченным. Действительно, в советские времена это была мощная организация, сети которой охватывали в стране каждый город, каждое село, даже каждый мелкий хутор. Их агенты были повсюду, даже на хуторе, где жил Заурбек со своей семьей.

Для населения Чечено-Ингушетии это было неизбежное зло, к которому они если не привыкли, то притерпелись. Еще сравнительно недавно, каких-то шестьдесят-семьдесят лет назад, тайное сотрудничество с властью и доносы воспринимались в чеченском обществе как позор. Замеченный в доносительстве человек и вся его семья подвергались широкому порицанию и навсегда изгонялись из села без права на прощение. Наглядный тому пример – семья Боршиговых из Харачоя, которая была изгнана за предательство знаменитого абрека Зелимхана Харачоевского. По сегодняшний день ни один из потомков этой семьи не имеет возможности посетить свои родные края. Дружба с этой семьей считалась и считается делом позорным, достойным порицания.

Если в период антиколониальных войн «благородная работа» тайного агента могла привести к огромному ущербу и смерти не только одного человека, но и целого села, то ныне донос на человека, попавшегося на краже стога совхозного сена или имевшего неосторожность критиковать советский строй, приводил лишь к двум-трем годам тюремного заключения. Разумеется, факт доноса являлся предметом широкого разбирательства, и если доносчик становился известным, то родственники пострадавшего от его навета пытались отомстить ему. Каждый старался жить в рамках закона, годы лишения привели людей к мысли, что бороться с советской властью им не с руки (сил мало), а посему лучше жить с нею в мире и согласии, тем более, что, несмотря на свои очевидные изъяны, советский строй для простого человека был не так уж и плох.

Узнав о том, что Саид не только сын кровника, но и работник МВД, к тому же в офицерском звании, да и ко всему прочему коммунист, сотрудники КГБ стали критиковать его за участие в подобном мероприятии. Они напомнили об установках партии по этому вопросу и предупредили, что о его прямом участии в противоправном действии, противоречащем государственным идеям и строю, станет известно по месту его работы и партийному руководству республики, а также пригрозили силой разогнать собравшихся. Саид объяснил им, что сегодня ставится окончательная точка над конфликтом, отголосок которого витал над двумя родами более четверти века. К тому же, сегодняшнее примирение имеет воспитательный характер для молодежи и для всего чеченского общества, и поэтому, даже с точки зрения установок партии, должно рассматриваться как полезное.

Саиду пришлось проявить максимум дипломатии в беседе с представителями спецслужб. Он согласился с ними в том, что подобного рода мероприятие является пережитком прошлого, но при этом смог убедить их в его полезности, учитывая его миротворческий характер. Саид отметил, что советская система исполнения наказаний не совершенна, так как большинство отбывших срок в тюрьмах совершает преступление повторно, однако история не знает случая, чтобы человек, прощенный по адату за убийство, совершил бы не только повторное убийство, но и, в подавляющем большинстве, даже какое-нибудь мелкое преступление. Таким образом, статистика говорит все же в пользу адата. Но, конечно же, в социалистическом обществе, несмотря на кажущиеся преимущества адата, пережиткам прошлого не должно быть места. На этой оптимистичной ноте их беседа завершилась.

Старики одобрили действия Саида, не преминув при этом отметить значение образования в жизни человека, и тут же перешли к делу, ради которого они здесь собрались.

Ритуал примирения прошел по вышеописанному сценарию, без нарушения установившихся правил и норм. Известный в народе старейшина и богослов Абу-Хаджи, примеряющий обе стороны долго говорил о ценности прощения, о долге перед Всевышним, о превратностях судьбы. Заурбек Тасуев имел когда-то неосторожность пролить кровь человека. Абу-Хаджи знает какому благородному роду он принадлежит. Старик замолк. Будто воспоминания с этой равнины унесли его в далекое Аргунское ущелье – в селение Чиннаха, лежащее в объятиях чеченских гор. Потом продолжил:

Там когда-то выходцы из одного села, но разных хуторов – Боки-Дук и Ушкалой уже много лет вели кровную вражду. Представители Боки-Дук, откуда и Заурбек родом, убили уже семерых с Ушкалой, и чтобы уравнять этот счет те, кто с Ушкалой имели право в любой момент убить любого из Боки-Дук. Но потом началась Кавказская война, где враг теперь у всех был один. На той войне отчаянно дрались предки Заурбека – его третий отец Тасс и его брат Арсири. Как-то раз Арсири увидел лежащее на поле боя тело чеченского воина. Арсири узнал убитого – он был с Ушкалой. Судя по всему, товарищи не смогли его вынести с поля боя и оставили здесь. Арсири наткнулся на убитого кровника, по сути на тело своего врага. Но сидящее внутри него благородство, не заставило его мучаться в догадках как поступать дальше. Он снял с себя бурку, а потом вместе со своим братом осторожно завернул тело убитого в эту бурку, положил его на коня и пошел в сторону Ушкалой. При въезде в село, Арсири отпустил коня, а сам вместе с братом ушел.

Когда отец убитого снимал с коня кем-то заботливо завернутое в бурку тело его сына, тот сразу же воскликнул:

– Я знаю, что на такое мужество хватило бы только у Арсири! – а потом, повернувшись в сторону Боки-Дук, крикнул – Арсири! Ты победил!

В тот же вечер в Боки-Дук к предкам Заурбека прибыл вестник со словами:

– Вы прощены! В Ушкалое вас хотят видеть на своих похоронах!

Таким образом над многолетней враждой точку прощения поставило именно благородство Арсири. На примере этой истории, Абу-Хаджи дал понять, что Заурбек Тасуев, которому сегодня по законам чеченского адата простят пролитую кровь, принадлежит к благородному и мужественному роду.

Кровная месть – это целый кодекс чести, который передается из поколения в поколение. Это не убийство без разбору, здесь нужно соблюсти все тонкости и грани чеченской психологии. Совершив кровную месть, чеченец никогда не оставит валяться тело своего кровника, а прикроет его и уберет подальше от зверья. Кроме того, история знает такие случаи, когда чеченец прощал своего кровника, если тот оказался его случайным гостем. Как же высоко ценили чеченцы человеческую жизнь, даже если она принадлежала и врагу. А потом через годы сколько же осталось этих тел, без разбору выкинутых на грозненские улицы и съеденных голодными собаками.

Родственники Доги, как они и заявляли ранее, отказались от предложенной им материальной компенсации. Их тут же заверили, что быка, муку, сахар и деньги Заурбек израсходует, в память о Доге, на богоугодные дела и в помощь малоимущим и сиротам.

Остались позади тревоги и заботы прошлой ночи и дня, остались позади тревоги и волнения длиною в четверть века. Заурбек и его семья уже по-другому ощущали этот мир, в котором они теперь могли жить без страха и тревоги друг за друга и, главное, за самого Заурбека. Наступивший мир с кровниками дарил им всем свободу, возможность возвращения из степного хутора в свое родное село в предгорьях Кавказа, в отчий дом. Теперь Заурбек сможет поселиться в нем и разжечь очаг, погасший в день выселения и не зажженный до сих пор. За домом присматривали родственники, но очаг в нем не зажигался в ожидании мира с кровниками.

На терских равнинах сегодня ночью ему приснятся горы. И неужели это действительно правда, что он сможет уехать в родное село? Интересно как там сейчас? Обнимает ли также предрассветный дым острые вершины гор? Прячется ли все также в густых лесах пугливый олененок? Не заросли ли бурьяном могилы отцов? Заурбек уже по-другому чувствовал ласковые лучи солнца, несущие людям тепло. Ему казалось, что они особенно нежно греют его. Он по-другому воспринимал горы, виднеющиеся вдали, землю, щедро отдающую свой урожай в обмен на заботу крестьянина. Мир был прекрасен, и он стоил любви, он стоил жертв и страданий ради него. Заурбек твердо верил, что впереди его ждет светлая жизнь в виде благополучной судьбы детей и внуков. Он знал, что отдаст все силы, чтобы уберечь свою семью от плохого. Он верил, что с нынешнего дня, когда с него снят окончательно груз вины за убийство человека, его семья, и особенно сыновья, также будут смотреть на мир иначе. Он пять раз в сутки в своих ежедневных молитвах просил Всевышнего простить ему этот грех. Ведь и на том свете с него будет спрос за это.

Вечером того же дня, учитывая важность события, был совершен по мусульманскому обычаю обряд жертвоприношения. Подростки разнесли по домам соседей добротные куски мяса, тем самым приглашая их разделить с ними радость, после чего состоялся в доме молитвенный моулид (чтение сур из Корана и почитание пророка Мухаммада). Гости разошлись за полночь. Но еще долго горел свет в доме Заурбека. Ведь и к радости надо привыкнуть, и радость нужно тщательно осознать и воспринять. Легли поздно, но с глубокой верой в счастливое будущее. В эту ночь из числа гостей и членов семьи в доме не спали только двое – Заурбек и его младший сын Ибрагим.

II

Это было время, когда Советский Союз боролся за «мир во всем мире», простирая свои «стальные длани» во все уголки земного шара. Борьба шла с переменным успехом, так как мешали страны НАТО и, в особенности, США, но от неудач накал борьбы не утихал, а, наоборот, все возрастал. Братская помощь странам Африки, Азии и Латинской Америки шла нескончаемым потоком, в основном, в виде оружия, которое СССР производил в огромном количестве, а также в виде участия в конфликтах военных советников и в виде финансовой помощи. Союзники с благодарностью ее принимали и начинали изо всех сил бороться с «проклятым империализмом» в лице своих внутренних врагов. И до тех пор, пока не иссякал поток этой «братской» помощи, режимы, сотрудничающие с ним, рьяно боролись под советским лозунгом «борьбы за мир во всем мире». Но стоило ей иссякнуть, как вчерашние союзники и «братья» Советского Союза становились его врагами и переходили в лагерь капитализма.

Случались и более досадные «проколы» во внешней политике СССР – это революции в Венгрии, Чехословакии и других социалистических государствах. Тут «братскую помощь» Советский Союз оказывал пошатнувшемуся режиму не один, а вкупе с другими странами-участниками Варшавского Договора. Мятеж, или точнее революция, в странах социализма подавлялся жестоко.

В 1978 году очередной жертвой «миротворческих усилий» советской империи стал Афганистан. Было объявлено на весь мир, что обстановка в Афганистане угрожает южным границам Советского Союза, и что СССР обязан помочь «бедным» афганцам избавиться от антинародного режима. На партийных съездах и собраниях заявление партии и правительства широкими массами трудящихся было воспринято на «ура». Интеллигенция, с присущей только ей интеллигентностью, скромно отмалчивалась, а ропот диссидентствующих одиночек не был слышен, да и не мог быть услышанным в стройном хоре всенародного одобрения.

Под шумный грохот одобрения и тихий шепот противников в 1979 году СССР со всей своей мощью обрушился на «антинародный» режим Афганистана. В ходе войны были убиты и ранены сотни тысяч афганцев, а также тысячи и тысячи воинов-интернационалистов, но агрессия СССР против Афганистана закончилась бесславно для советской политики и советского оружия. Причины поражения СССР в войне с Афганистаном, находившимся на стадии феодализма, предмет сложный и требующий длительного изучения.

Тут важно отметить, что в этой победе «виноват» прежде всего сам афганский народ, а также страны, которые помогали ему в этой борьбе на протяжении десяти лет. Но все это будет потом, через десять лет. А пока война только начиналась.

На территории одной шестой части земли, именуемой СССР, началась информационная пропаганда. Мощная, хорошо отлаженная пропагандистская машина СССР заработала во всю силу, обрабатывая сознание советских людей. И надо отдать ей должное, она выполнила свою задачу блестяще – за исключением молчаливого меньшинства, порядка пяти до десяти процентов от общей массы советских людей, народ принял черное за белое и поддержал агрессию СССР против Афганистана. Поддержка эта зашла настолько далеко, что даже матери погибших на войне солдат воспринимали эту войну как неизбежное зло.

Немудрено, что неокрепший и неопытный ум Ибрагима принял за чистую монету все, что писали советские газеты и журналы о происходящем в Афганистане. Воспитанному на коммунистических идеях, свято верившему в непогрешимость советской системы, ему и в голову не могло прийти, что Советский Союз вел в Афганистане жестокую и несправедливую войну. Когда старший брат Саид попытался ему объяснить это, он не поверил ему, решив, что тот просто пытается уберечь его от опасности. Внутренне не соглашаясь с ним, Ибрагим сделал вид, что принял его доводы и будет следовать им. Про себя же решил, что ни в коем случае не отка-

жется от выполнения своего долга перед страной и обязательно пойдет служить, но не для того, чтобы кого-то убивать, а для того, чтобы защищать свою большую Родину – СССР.

Этой осенью Ибрагиму предстояло идти в армию. Поступать в институт сразу же после окончания школы он не захотел, объяснив свое нежелание тем, что выпускники гуманитарных вузов все равно призываются в армию, а тогда ему будет уже двадцать два – двадцать три года. Сейчас же, в его возрасте, значительно легче перенести все тяготы армейской жизни. Кроме того, в армии можно быстро зарекомендовать себя с положительной стороны и вступить в ряды КПСС.

Доводы Ибрагима имели под собой реальную основу, и, хотя они не были непоколебимыми, родители и брат Саид решили не препятствовать его желанию.

Школу Ибрагим окончил с отличием. На протяжении последних пяти лет учебы он посещал несколько кружков, занимался дзюдо и был уже кандидатом в мастера спорта по дзюдо. С особым интересом посещал литературный кружок. В такой любви Ибрагима к русской словесности, вне всякого сомнения, была «виновата» Мария Владимировна.

Однажды в 5-ый класс, в котором учился Ибрагим, вошел директор школы. За ним, словно прячась за его спиной, вошла русская девушка. Директор представил Марию Владимировну, их новую классную руководительницу и учительницу русского языка и литературы. Она приехала в Ищерское по распределению из Астрахани, и с этого времени ее судьба навсегда была связана с этой школой и с этой станицей. Ибрагим учился здесь, так как в их хуторе была только начальная школа, поэтому родители устроили его в интернат, куда он добирался вместе с другими детьми на специальном автобусе, а домой ездил только на выходные дни.

Для Марии Владимировны с годами Чечня стала новой родиной, которую она полюбила всем сердцем. Хотя она уже была знакома с нравами и бытом чеченцев по произведениям Льва Толстого, Лермонтова, Пушкина и других авторов, Мария Владимировна поначалу с трудом вписывалась в чеченский быт.

Станица Ищерская Наурского района располагалась на левом берегу реки Терек, в ста километрах от столицы Чечни – Грозного. Живописные и благодатные просторы привлекали всех, кто хоть раз побывал здесь. В станице жили русские и чеченцы, жили дружно, разделяя радость и горе. Во время каникул администрация школы устраивала экскурсии с поездкой в Грозный для отличников, в число которых постоянно попадал и Ибрагим. Ребята возили на грозненское водохранилище купаться, водили в парки, музеи, как краеведческий, так и изобразительного искусства.

Мария Владимировна снимала комнату у добродушной хозяйки дома – чеченки Тагибат, с которой они вместе разделяли уют и тепло этого небольшого дома. В этом доме проживала семья Тагибат: муж, а также двое детей, которые учились в той же школе – мальчик во втором классе, а девочка в седьмом. Работа и жизнь у Марии Владимировны потихоньку налаживались. Коллеги по работе ее уважали, дети очень любили.

Она получила хорошее образование и очень любила свою работу. Мария Владимировна с увлечением рассказывала ребятам о писателях и их произведениях, о героях Федора Достоевского, Льва Толстого, Вальтера Скотта, Фенимора Купера, Александра Дюма. Казалось, ее знания безграничны. В ее рассказах хватало места и братьям Карамазовым, и Чацкому, и Пьеру Безухову, и Робин Гуду, и Зверобоею. Слушая ее истории из жизни литературных персонажей, детвора сидела в классе открыв рты. Тишина нарушалась только тогда, когда тот или иной ученик выплескивал наружу накопившиеся эмоции. В классе нет-нет, да и раздавалось: «Ой, какой молодец! Ой, как он правильно сказал!...» Эти возгласы были самой большой наградой для Марии Владимировны за ее труд.

Благодаря ей Ибрагим полюбил литературу, а полюбив книгу, он, конечно же, все глубже и шире постигал русский язык. Надо заметить, что чеченский язык и литература, хотя и входили в обязательный курс школьного обучения, но за Терекком, на левобережье, родной язык

был исключен из обязательной программы. В горных и предгорных районах республики практиковалось проведение лишь факультативных занятий, так как там, в основном, проживало, чеченское население.

Ибрагим стал много читать. К девятому классу у него уже была своя библиотека, которая насчитывала порядка трехсот книг. С нежностью, на какую она только была способна, мать Ибрагима, Хеда, при каждом удобном случае рассказывала, как однажды, когда сыну было пять лет, она взяла его в город на рынок. Получив двадцать копеек на мороженое, Ибрагим побежал к киоску и на все деньги купил себе детские книжки: «Дядю Степу» Сергея Михалкова и «Мойдодыра» Корнея Чуковского. Несмотря на их ветхое состояние, Хеда хранит эти книжки по сей день.

Учителя в школе ставили Ибрагима в пример его сверстникам. Они были уверены, что обучение в сельской школе не станет для него помехой при поступлении в институт.

И тут такой поворот. Вместо того, чтобы учиться дальше, он идет служить в армию.

Когда Ибрагим окончил школу и получил аттестат, его семья переехала в родовое предгорное село. Ему исполнилось восемнадцать лет, и через несколько месяцев предстояло идти на службу в армию. Отец даже купил сыну автомобиль, надеясь, что это отвлечет юношу от его планов. Но Ибрагим был неумолим. Он упорно готовился к службе в армии, проводя большую часть времени занимаясь спортом.

[1] *тейн* – у вайнахских народов – коллектив кровных родственников, ведущих происхождение от общего предка, объединяющий несколько родов.

Честь

*Чеченцы, жизнью двух мужчин
За женщину убитую платили...*

I

В каждом народе есть свои традиции, обычаи, устои – **неписанные законы**. У чеченцев это именуется **адат** – «Свод законов – правила жизни, быта, этики, морали – кодекс чести и достоинств горцев».

Сестра Зарган попросила Ибрагима поехать с ней в соседнее село, чтобы навестить школьную подружку, которая собирается замуж. Муж Зарган Мовсар, будучи очень занятым, не мог повести ее сам, и Ибрагим с удовольствием откликнулся на просьбу сестры. Брат понимал, как любимой сестре хотелось попасть на предсвадебную вечеринку подружки, где будут и другие их одноклассницы. Они вышли на дорогу, так как Ибрагим не решился брать свою машину, подаренную ему отцом, за отсутствием у него водительских прав. Брат с сестрой стояли на остановке, когда попутная машина «Волга» синего цвета остановилась и им предложили их подвезти. Рядом с водителем сидел мужчина средних лет, по всей видимости, занимающий какой-то руководящий пост. Пропустив вперед сестру, Ибрагим забрался на заднее сиденье и только тогда увидел еще одного пассажира, сидевшего у противоположного окна. Но машина уже тронулась, и было неудобно останавливать ее, чтобы пересадить сестру, и он, боясь обидеть недоверием доброжелательных людей, стерпел то, что сестра сидела между ними – братом и незнакомым мужчиной. А Зарган, сжавшись в комочек, стараясь занимать как можно меньше места, прикинула к брату...

Неизвестно, что вдруг повлияло на пассажира с переднего сиденья: то ли покорный вид девушки, то ли юный на вид и неопытный возраст ее спутника, то ли привычка безнаказанности или высокое положение, позволяющее исполнить любую прихоть, а может лишняя выпитая рюмка спиртного. Мужчина вдруг, повернувшись назад, грубо схватил Зарган за сплетенные вместе руки, лежащие у нее на коленях. Вскрикнув от возмутительного поступка незнакомца, испуганная девушка освободила свои руки.

«Самое страшное оскорбление для чеченца, это если мужчина чем-то обидел его мать, сестру, жену. Достаточно простого неуважительного прикосновения к женщине, чтобы нанести смертельную обиду. Чеченцы всегда блистали гордостью и никогда не трепетали перед демонической сущностью страха и ужаса. Адат чеченцев – драгоценнейшее внутреннее достояние народа, которое выводит его в состояние гордости, а нарушение этого кодекса в состояние позора.

Чеченцы никогда не были бедны чувством гордости, находясь в сознании ответственности за звание – чеченцы, чеченец, чеченка. Это есть всецело народная историческая ценность, пробуждающая в народе чувство этического и эстетического благоговения, на ряду с его религиозной состоятельностью. Нужно иметь устойчивое состояние перед ответственностью – **НОХЧАЛЛА** (чеченство).

Однажды мы блаженно говорим, какие мы – Нохчи (чеченцы), и вторично мы поступаем без искупления – не так, как – Нохчи. Двуликость – это как двоебожие, и никак не соответствует образу праведного, единоверного чеченца, чеченки. Натиск демонических сил на наш быт, культуру, религию, адаты, традициям, конечно, пошатывают наши устои, ценность в которых является тот самый «эмблематический» образ – **НОХЧАЛЛА** (чеченство). Каждый народ, каждая нация в своем мета культуре имеет свое неповторимое своеобразие,

иные иногда выходят даже за пределы понимания другими народами. «Рука» нарушившая, разрушающая этическую мораль нашей самобытности должна быть непременно наказана и остановлена. А поступок немолодого уже мужчины был не просто возмутительно-неприличным, но настолько чудовищным и позорным, что смыть подобную обиду можно только кровью».

Растерявшийся в первое мгновение Ибрагим, не ожидавший подобной выходки со стороны, казалось бы, воспитанных людей, зверем кинулся на обидчика и зубами намертво, вцепившись в ненавистную руку, прикрыл своим телом сестру от дальнейших оскорблений и прикосновений и все никак не мог одной рукой отыскать в кармане медицинский скальпель, который он всегда носил с собой. Ибрагиму нравился он именно своей лаконичностью формы и какой-то видимой хрупкостью, за которой скрывались отточенность бритвы и сила кинжала и удобство в обращении. А носил он его для подрезания заусенцев на пальцах, подрезания ногтей и других бытовых нужд. Скальпеля не было, видимо сама Зарган, когда гладила костюм брата, нашла его и спрятала от греха подальше, и невольно спасла этим жизнь своего обидчика.

Машина резко затормозив, остановилась, силой инерции оторвав противников друг от друга. Ибрагим, воспользовавшись моментом выскользнул из машины, одним движением вытащил сестру из машины и в то же мгновение открыл переднюю дверцу, схватил мерзавца за грудки, вытаскивая его из салона авто. Он был готов голыми руками задушить обидчика, перегрызть ему горло. Слепая ярость захлестнула его, затмила разум, и если бы ему удалось вытянуть противника из машины, то никакая сила не освободила бы его живым из мертвой хватки Ибрагима, у которого вдруг появилась нечеловеческая сила. Но ему мешала сестра, испугавшаяся за дорогого брата, почувствовавшая, что он добрый и застенчивый, но в то же время волевой и бесстрашный, воспитанный по суровым обычаям своего народа, может сейчас натворить самое страшное и непоправимое в своей жизни – убить человека. Она схватилась за брата, пытаясь оттащить его от машины, стараясь объяснить ему, что с ней все в порядке, хотела успокоить его. В то же время, вцепился за своего приятеля второй пассажир из заднего салона, затягивая его обратно, чтобы помешать Ибрагиму вытащить его, одновременно крича на водителя, чтобы тот быстрее трогался:

– Трогай, газу, гони! Он убьет Ахмеда. Газуй быстрее...

Ибрагим ничего не хотел ни слышать, ни понимать. Грубо оттолкнув сестру и освободившись от нее, он с новой силой вцепился в своего смертельного врага, одной рукой нанося удары по его лицу. Ему почти удалось выдернуть его из машины, когда машина рванула с места. Ибрагим с нечеловеческими усилиями до последнего мгновения пытался удержаться, но силы в конце концов оставили его и, протацившись за машиной, он, выпустив обидчика из рук тяжело рухнул на дорогу, чуть не попавши под колеса машины. И подняв голову, он успел запомнить госрегистрационный номер быстро удаляющейся «Волги» 90—44 ЧИС (серия ЧИС подтверждала о принадлежности данного автомобиля к госчиновничьим гаражам).

Было больно и обидно. Больно за сестру и обидно, что подлец ушел безнаказанным. Как он теперь посмотрит в глаза отцу, матери, брату, родственникам, мужу сестры??? Вдруг рядом затормозила машина, грузовик. Молодой водитель, лет на пять старше Ибрагима крикнул, открывая дверь кабины:

– Быстро, быстро садитесь!

А потом, уже по пути объяснил, что невольно стал свидетелем последней сцены, понял, что произошло неладное, и как истинный чеченец предложил свою помощь. Ибрагим был бесконечно рад, удачно подвернувшийся поддержке, и коротко объяснил суть дела. Выслушав его, водитель от чистого сердца сказал:

– Подъезжая, я видел, как ты пытался вытащить кого-то из машины, видел истерично метавшуюся твою спутницу. Рядом с тобой надежное плечо, я сделаю все, чтобы тебе помочь. Мы их догоним.

Ибрагим поблагодарил его за помощь, но не желая впутывать постороннего человека в столь неприятное дело, попросил только догнать машину и не вмешиваться, а там уже он сам разберется. Даже в такой ситуации Ибрагим не желал вмешательства посторонних, чтобы огородить предложившего помощь от непредвиденных последствий, выяснилось, что водитель грузовика знал родителей Ибрагима и Зарган, и глубоко их уважает. Водитель, стиснув зубы, все набавлял скорость, выжимая всю мощь из грузовика – ГАЗ-53. Вскоре впереди показалась знакомая машина, где находился мерзавец.

Впереди лежащего населенного пункта показался переезд железной дороги. Загорелись красные фонари семафора, а по правую сторону к переезду будто на помощь к Ибрагиму мчался товарный поезд. «Товарняк» оказался на переезде раньше «Волги», и беглецы вынуждены были остановиться, а через некоторое время рядом с ними затормозил грузовик преследователей, чуть не протаранив легковушку. Плача в истерике сестра пыталась остановить брата, но Ибрагим уже бежал к машине мерзавца, а вслед за ним выскочил водитель грузовика с монтировкой в руках, чтобы наказать обидчика. Ибрагим открыл переднюю правую дверцу, ударил кулаком по лицу Ахмеда и стал его вытаскивать наружу. Ахмеду на вид было лет 40—45, одетый в дорогой костюм с рубашкой и чинным галстуком. На помощь своему попутчику выскочил и другой пассажир, сидевший на заднем сиденье, и только водитель оставался сидеть за рулем. Второй назвался Рахимом и просил не делать ничего плохого с его коллегой по работе, иначе окажешься за решеткой, твердил он Ибрагиму, пытаясь образумить разъярённого юношу. Ибрагим, держа за грудки мерзавца, спросил второго:

– Ты кто этому будешь? Родственник? Если нет, убирайся, не мешай мне. Он должен получить по заслугам.

– Нет, я не родственник, я его коллега, работаю с ним. Ты извини, он просто выпил, давай потом поговорим, я тебе дам адрес...

– Какой адрес? Отойди в сторону, подальше от греха, иначе калеккой станешь, коллега, – язвительно накричал на него Ибрагим, и заметил подкрадывающегося за его спиной водителя грузовика с монтировкой для нанесения удара. Тут же подъехала и остановилась другая машина, из которой вышел Али, сосед и бывший одноклассник Ибрагима. Ситуация накалялась до «нельзя». Одним прыжком Ибрагим преградил путь водителю грузовика, чтобы он не нанес удар этим подонкам. Вовлекались посторонние люди в личную драму семьи Тасуевых. Ибрагим не имел права допустить этого. Он вспомнил слова своего отца Заурбека – «Помни! Гнев толкает человека на необдуманный шаг, о котором придется сожалеть в последующем. В борьбе между сердцем и мозгом побеждает рассудок хладнокровия».

Ибрагим почувствовал себя ответственным за водителя грузовика, бескорыстно предложившего свою помощь, и за одноклассника, готового пойти за ним до конца. Ярость прошла, на ее смену пришло реальное понимание происходящего. Да, оскорбили его сестру, оскорбили этим и его, его род, мужа сестры и их родственников. Обидчик должен понести наказание по заслугам, но не сейчас и не здесь. Благородство и разум одержали победу над сиюминутным гневом. Он не мог толкнуть в горнило кровной мести ни в чем неповинных людей. Словно стяхнув с себя последние сомнения, он сказал, глядя в глаза своему противнику, который от страха происходящего мямлил что-то непонятное:

– Если ты мужчина, ты понимаешь, что ты сделал. Как мне тебя найти? И тогда судьба решит, кому жить с позором или вообще не жить. Я не хочу, чтобы люди чужого рода вмешивались в это дело – мое и твое. Но знай, кем бы ты ни был, я тебя найду! Запомни, я Ибрагим сын Тасуева Заурбека, а ты собака, кусачая, не скроешься.

Тот бледнел, краснел, дергалась челюсть, и не мог выговорить ни слова, под глазами уже появились гематомы от ударов Ибрагима. Опять в разговор вмешался его попутчик – коллега. Вытащив блокнот, он записал какой-то адрес и протянул руку Ибрагима со словами:

– Это недоразумение, вы обязательно договоритесь...

– Может быть, ты хочешь со мной договориться? — перебил его Ибрагим, – если да, то отойдем в сторону, и я тебе покажу, как со мной можно договариваться! А если нет, убирайтесь прочь отсюда, пока я не передумал, твари! Я вас, все равно найду, рано или поздно...

Ибрагим поблагодарил водителя грузовика, пожал ему руку, пожелал доброго пути, и попросил своего соседа Али отвезти их с сестрой домой. Безусловно, встреча подружек отмечалась моральным и психологическим состоянием брата и сестры. Ночь была «горячей», были подняты на ноги все, кто имел родственные отношения к Тасуевым.

С раннего утра начались поиски синей «Волги» и тех, кто в ней находился. Старший брат Саид и Ибрагим поехали в центральное ГАИ республики, но к их удивлению под такими госрегистрационными номерами 90—44 ЧИС автомашин «Волга» и не другой техники не числилось в республике, как объяснил им дежурный Госавтоинспекции по республике ЧИАССР. Мерзавцы прятали концы, даже адрес был ложным, который дал второй пассажир «Волги».

Поиски продолжались уже четвертые сутки, когда на одном из перекрестка города Грозного Саид резко развернувшись на своей машине, погнался за «Волгой», которая проскочила по встречной полосе движения. Саид обратил внимание на номера белой «Волги», которые были почти идентичны номерам синей «Волги» с разницей в одну цифру 90—45 ЧИС. А значит, существует авто госномер 90—44 ЧИС, несмотря на ложное заверение дежурного инспектора по центральному ГАИ республики. Через два квартала Саид на большой скорости догнал «Волгу» и попросил остановиться, моргнув фарами. Водитель «Волги» остановил машину. Саид с Ибрагимом подошли к водителю авто. Поздоровавшись, Саид спросил у водителя:

– Друг, ты не знаешь машину с номерами 90—44 ЧИС? Он обещал мне старый аккумулятор, когда мы случайно встретились на автомойке.

– Да, конечно же, на ней ездит мой друг Виталик, мы с ним вместе пригоняли с Горьковского автозавода машины и работаем в одном гараже, обслуживаем райкомовских. Он возит Ахмеда второго секретаря райкома-партии. Гараж находится в Заводском районе «Автокомбинат», сам Виталик проживает в Ленинском районе, по улице Левантовского дом 29.

Уже к вечеру нашли самого водителя, и братья заставили его назвать адрес своего «шефа». Дом Ахмеда находился почти в центре города. Добротный особняк облегал высоким забором и коваными воротами, в которые уже стучался Ибрагим, за которыми залаяла грозная собака. Через щели декоративного высокого забора Ибрагим увидел выглянувшую в окно милостивую девушку лет 17—18. Девушка крикнула:

– Кто там?

– Ибрагим Тасуев. Я ищу в этом доме двуногую собаку по кличке Ахмед. Угломоните четырёхногую вашу борзую и выпустите двуногую бешеную!

– Уходите отсюда. Дома никого нет. Я сейчас позвоню в милицию.

– Передайте вашей бешеной собаке, что я ей наступаю на хвост.

Когда братья вернулись домой, дома находилось много людей из рода Тасуевых, а также приехали родственники со стороны мужа Зарган. В комнате Заурбека собрались более авторитетные люди из числа родственников, в том числе и несколько человек из семьи мужа Зарган, началось обсуждение дальнейших действий по отношению к Ахмеду.

Такого рода оскорбления по отношению к девушке или к женщине каралось по законам адата: насильственное снятие штанов с обидчика, или же он, добровольно признавая свою вину, должен публично снять с себя штаны, что считается признанием собственного позора, который отпечатывается на его потомках до седьмого колена. Или же нанести равную обиду сестре, дочери, родственнице обидчика, если таковая хоть одна у него имелась. Иначе, только пролитие крови обидчика могло снять позор с оскорбленных. С чем единогласно согласились собравшиеся. Только вот, родственники мужа Зарган твердо заявляли, что это их дело, так как Зарган является членом их семьи, будучи замужем за человека их рода. На что Ибрагим ответил:

– Все произошло, когда моя сестра была рядом со мной, я был в ответе за нее. А вы отвечаете за нее, когда она рядом с вами в вашей семье. Я нисколько не пытаюсь умалить вашу гордость. Но я не могу передать это возмездие под вашу ответственность, хотя, такое право вы имеете не меньше чем моя семья. Главное мы нашли виновника и знаем, где он и кто он, и если они рассчитывает прикрыться светскими законами советской власти, этого ему не удастся. Сестра останется в нашем доме, до тех пор, пока моя семья до конца не разберется с этим вопросом, с таким решением согласен глава моей семьи, наш отец. И если сторона мужа считает, что моя сестра, испытавшая позор такого действия со стороны подонка, не достойна быть членом вашей семьи, то мы охотно примем ее обратно в нашу семью, хотя она есть, и будет всегда являться членом нашей семьи – дочерью, сестрой.

Заурбек поблагодарил всех и попросил разъехаться по домам, а утром собраться всех по мере сил и возможности.

Зарган закрылась в комнате матери, уже который день толком не ела и не пила. А безутешная мать Хеда, вся извелась в переживании за своих детей, мужа. В глубокой ночи погасли огни в доме Заурбека, но в доме не спали только двое...

II

Рано утром Ибрагима разбудил необычный шум во дворе. Выглянув в окно, он увидел несколько пожилых людей, эмоционально спорящих с его отцом, братом Саидом и родственниками. Ибрагим быстро собрался и вышел во двор, но к этому времени приезжие, Заурбек, Саид и несколько старейшин из рода Тасуевых зашли во второй дом, где находилась комната Заурбека и гостиная. Во дворе Ибрагиму объяснили, что приехали старейшины – родственники Ахмеда.

Прошло довольно много времени, пока Ибрагима вызвали к отцу. В гостиной, кроме отца и его родственников находились незнакомые люди, а также несколько человек из семьи мужа Зарган. Отец был грознее тучи, хмурость не скрывал и старший брат Саид. Стало ясно, что разговор был серьезным и окончен он далеко не в пользу Ибрагима.

Первым начал отец:

– Ну как ты объяснишь свое поведение? Разве можно оправдать то, что ты натворил за эти дни? Избил ни за что человека, преследовал его, весь тейп поднял на ноги, со всех концов света, – отец глядел строго с укором...

– Я могу еще раз все объяснить... – начал Ибрагим, как его перебил отец.

– Нет уж, уволь. Нам уже все объяснили люди мудрее и авторитетнее тебя. Мальчишка! В рыцаря решил сыграть? А о чести сестры подумал? Не разобрался, не понял, а туда же – мести захотелось ему! Да ты хоть знаешь, что это такое?

– Не ругайте его так строго, Заурбек, – вмешался один из приезжих представителей рода Ахмеда. Дело молодое, зеленое, горячий парнишка. Ну, ошибся, с кем не бывает. Главное, что разобрались и слава Аллаху. Ведь из-за какого-то недоразумения могло произойти несчастье.

Ибрагим смотрел в окно, стоя в пол-оборота от присутствующих в комнате, чуть опустив голову. Во дворе их дома собралось достаточно много людей, в основном это были родственники Тасуевых. Приехали даже те, которые жили за пределами республики, родственники Ибрагима по отцу и матери, считая своим долгом, постоять за честь своего рода и родственников. В гостиную входили пожилые и средних лет мужчины, что уже стало тесно, поэтому решено было выйти всем во двор для окончания дальнейших трений и покончить с произошедшим, придя к взаимному согласию. Когда все вышли во двор, старейшин усадили на скамейки, а молодые смиренно стали слушать старейшин и гостей.

Ибрагима отделили от всех остальных, выведя его почти к центру собравшихся. Он стоял в окружении всех, где его отсчитывали, как нашкодившего мальчугана. На его лице было видно, что он подавлял в себе бурю бушующих эмоций, сохраняя приличие и «патриархальную» степенность перед старшими, перед отцом, перед родственниками, перед ненавистными ему «гостями» – родственниками Ахмеда, который нарушил целомудрие адатов их отцов и потомков. Кровь кипела, эмоции росли, предательски краснели глаза, приток крови в голове выдавливал слезы, которых он так стеснялся, будто они выдадут его беспомощность перед всеми, особенно перед «гостями». От него требовалось максимум субординации – правил этики адата, перед взорами собравшихся. И что удивительно! Пришедшие с противоположной стороны привели с собой человека по имени Абу-Хаджи, который когда-то повлиял на исход примирения отца Ибрагима с кровниками. Этот всенародно уважаемый «старец» снова, невольно вступает к примирению семьи Заурбека, так как его попросили «большие» люди, где в семье Заурбека не может отказа этому благодетелю, великому дипломату – гуманитария. Ему и всем собравшимся здесь людям преподнесли случившееся, как банальное недоразумение:

– Ибрагим по своей молодой наивности принял за страшное оскорбление простую случайность, – говорил гость со стороны Ахмеда, – видите ли, человек на переднем сиденье автомобиля был пьян, он сидел откинув руку на спинку соседнего сиденья за спиной водителя,

и когда на ухабе, машину подбросило, рука непроизвольно соскользнула со спинки и случайно, чуть-чуть коснулась руки девушки, что было истолковано Ибрагимом, как попытка прямого оскорбления и совершения насилия над сестрой. Но, даже если Ибрагим считает, что ему нанесли оскорбление, случившемуся случайно без умысла, то мы готовы заплатить выкуп за обиду... – в толпе послышался гул недовольства.

Гость продолжал, – мы уважаем юношеское самолюбие парня и готовы сделать первый шаг к примирению, заплатить выкуп. Второе: мы согласны на то, чтобы вести переговоры по этому поводу со стороной мужа девушки, так как она по праву является членом семьи ее мужа. А мы в свою очередь принесем клятвенное заверение на Коране сторонникам семьи мужа, что не было умысла опорочить честь девушки. Поэтому вы – кровнородственная сторона девушки снимаете с себя все вопросы этого недоразумения. Третье: мы со своей стороны не будем пускать в ход дело по факту избиения должностного лица, занимающего высокий пост коммунистической партии. У нас есть подтверждающее медицинское заключение, данное в травматологическом медицинском пункте. И к тому же есть двое свидетелей: водитель и коллега по работе нашего человека.

Минула некоторая пауза, когда попросил слово отец мужа Зарган:

– Прошло уже несколько лет, как дочь Заурбека переступила порог моего дома, в качестве моей невестки. Таким образом, наши семьи породнились, Зарган стала мне, как дочь, и знаю я ее чистоту благонравия. Я бы отдал многое, чтобы подобное с ней не произошло. Если вы думаете, когда Заурбек передаст решение сего вопроса в бразды моей власти, то вам станет легче, вы ошибаетесь. Любое принятое решение в доме Заурбека, будьте любезны принять, как решение моей семьи.

– Тогда пусть скажет свое слово Заурбек, – сказал старейшина, представляющий род Ахмеда.

– Нет! – возразил Абу-Хаджи, – будет справедливо, если мы послушаем непосредственного свидетеля произошедшего этой ситуации, а остальные свидетели, как я понял, готовы дать только свидетельские показания об избиении Ибрагимом, оскорбившего сестру, человека – это прозвучало, как знак его лояльности и поддержки семьи Заурбека, несмотря на то, что его привезли люди Ахмеда. Об Абу-Хаджи в народе всегда ходила добрая молва, о его неподкупности и справедливости в разбирательствах сложных дел, касающихся законов Шариата и Адата.

Брат Саид все же верил в правоту своего младшего брата и его адекватности, и, присущую ему, несмотря на молодой возраст мудрость. Саид тихо подошел к Ибрагиму со спины и встал рядом. Это был знак: держись, я с тобой.

Ибрагим украдкой посмотрел в сторону своего отца, пытаясь поймать его взгляд, и в тот момент Заурбек взглянул на сына. Во взгляде отца Ибрагим прочитал вопрос: «Что нам делать, как быть теперь?»

– Хорошо. Благодарю за возможность высказаться...

– Говори по существу, и только правду! – перебил Ибрагима Абу-Хаджи.

– Тогда я обращаюсь к старейшинам Ахмеда, в первую очередь. Почему же вы здесь, если не чувствуете никакой вины в поступке вашего родственника? Кто вас сюда приглашал? Почему вы дождались, пока мы вас не найдем? Хотя, уже нашли. Но, вы же приехали с объяснениями, оправдаться, так невиновные не поступают. К тому же, вы нашли и привезли с собой всенародно уважаемого Абу-Хаджи, которому моя семья обязана очень многим. Значит, вы приехали подготовленными, получается так же ведь. Вы, может быть, знаете лишь только то, что вам ваш родственник растолковал. Аллах свидетель, я знаю то, что видели мои глаза, глаза моей сестры, глаза еще двоих свидетелей, которые находились в это время в салоне машины...

Я знаю, что испытала моя сестра и я вместе с ней. Заметьте, мне тем не менее, намного легче, чем вам, которые пытаетесь выгородить вашего человека. Мне в отличие от вас, не приходится выгораживать себя или других членов моей семьи, к тому же беспокоить столь почи-

таемого человека, как Абу-Хаджи. Поэтому у вас есть повод беспокоиться за своего человека и его семью. Но, если, как вы считаете, вины Ахмеда нет, и в его действиях не было злого умысла и вы готовы клятвой на Коране подтвердить ложь Ахмеда, мы готовы принять эту клятву в другом контексте как принято по нашим обычаям. Вы вместе с близкими родственниками Ахмеда должны будете завтра перед всеми людьми, которые будут находиться здесь принести клятву на Коране, который вам предоставят, со словами:

«Клянемся на этом Коране, если с девушкой или женщиной нашего рода поступили бы подобным образом с любой стороны окружающих людей, мы бы не сочли это за оскорбление, позорящее честь и достоинство нашей женщины или девушки. После этой клятвы я и моя семья принесет вам свои извинения и моральные издержки. А если с таким условием вы не согласны, то ваш Ахмед должен публично стянуть себя штаны, приняв на себя ответный позор. Если и этот вариант вас не устраивает, то вы должны отдать нам на поругание дочь Ахмеда или же другую женщину вашего рода. Но, вдруг вас не устраивают все три условия, то право исполнить, любой один из последних двух вариантов, насильственным способом, оставляем за собой. И клянусь Аллахом, кроме этих трех вариантов другого компромисса между нами быть вообще не может. Выкуп ваш используйте в другом месте, только не здесь. У нас за деньги не продают честь женщины, потому что честь наших женщин дороже жизни наших мужчин. В этом доме последнее слово за нашим отцом, но я уверен, что он не обречет своих потомков на вечное бесчестие.

Когда Ибрагим закончил говорить, в толпе прошли одобрительные возгласы, и на какое-то мгновение, собравшихся окутала тишина. Нарушил ее старейшина из рода Ахмеда:

– Если здесь отсутствует голос более серьезных и мудрых людей, кто в действительно-сти познавал жизнь, я считаю своим долгом заявить, что дальше говорить не о чем с этим зарвавшимся юношей. Но имейте ввиду, мы не потерпим подобного рода заявлений. Мы живем в советской стране, где есть законы и право на защиту.

– Тогда тебе, Саидбек, нужно было приехать сюда с представителями советской власти, а не со мной, – выразил свое недовольство вышесказанному Абу-Хаджи, – юноша совершенно справедливо и достаточно приемлемо в данной ситуации выразил свои требования от лица всей этой порядочной семьи. Но, поверьте мне и моему опыту это не зарвавшийся юноша, в нем говорит, по сути – истина. Вам бы его прислушаться, дабы не пролилась кровь. Ты, Саидбек, должен был понимать, почему молчал хозяин семейства, Заурбек. Как мы все знаем, на Заурбеке была кровь, и несмотря на то, что кровь была ему кровниками прощена, Заурбеку не приличествует выступать в подобных трениях по этикету наших традиций. И я стал теперь вдвойне его уважать, когда он не позволил себе возразить твоему выпад, Саидбек, так как ты еще на правах гостя в его доме. Вразуми, Саидбек, содеянное этим аморальным Ахмедом и верните долг по чести семье Заурбека. Чеченцы, жизнью двух мужчин, за женщину убитую платили. У вас есть три варианта. Но я уверен, что первый вариант-клятва на Коране, вам не дадут использовать достойные люди вашего рода, так как эта клятва будет означать, что можно будет покушаться на честь ваших женщин. Считайте эту подсказку моим подарком.

А теперь, я хочу рассказать собравшейся здесь молодежи одну историю в назидание: «Когда-то в горах жил бедный, одинокий юноша, который встречался с очень хорошей девушкой, воспитанной в благонравной семье. Девушка уже дала слово юноше выйти за него замуж. Был еще другой, молодой джигит, самоуверенный, привыкший ни в чем не отказывать себе, из зажиточной семьи, который не раз посылал сватов к родителям той девушки, но они получали отказ, в связи с тем, что девушка засватана уже другим.

Однажды, будучи на охоте, бедный парень сорвался со скалы, покатился в пропасть, устремляя за собой целый камнепад. Юношу придавило камнями на дне обрыва, была перебита и зажата камнями одна нога, одна рука была раздроблена. Желание жить и любовь к девушке заставили его отрубить своим кинжалом ногу и раздробленную руку. Он выкараб-

кался и остался жить калекой, но передумал жениться на той девушке, чтобы она не стала жертвой его обузы. И послал ей гонца, чтобы тот передал девушке, что она может выйти замуж за другого. Девушка ответила, что она станет его женой, что бы ни случилось. И как-то возвращавшейся с родника девушке преградил путь тот богатый юноша, который схватил ее за руку и сказал: «Теперь тебе некуда деться, я взял тебя за руку, и ты не можешь теперь выйти замуж за другого, кроме меня, я тебя обесчестил!» Девушка выхватила, висевший на поясе кинжал у ненавистного ей мерзавца, отрубила себе руку его же кинжалом, со словами: «У меня нет руки, к которому прикасалось ничтожество».

– Люди, помните! Поистине, как говорил один мудрец, тяжесть покорности праведной жизни пройдет, но останется вознаграждение за нее. И поистине, сладость греха пройдет, но останется наказание за него. А теперь, Саидбек, обращаюсь к тебе, завтра к полуденному намазу (молитве) вы должны закрыть этот неприятнейший инцидент в нашем народе. Будьте благоразумны – закончил свою речь Абу-Хаджи.

К ночи разошлись все, кроме семьи Заурбека, которой предстоял тяжелый день. И в этом доме снова не спали двое – Заурбек читал Ибрагиму Коран и проповеди. Только поздно, глубокой ночью, Заурбек отпустил Ибрагима на отдых.

Ибрагим лег на кровать, не раздеваясь. Ночной прохладный ветерок иногда залетал в комнату через открытое окно, и играючи ерошил волнистые волосы Ибрагима, овеивая его прохладой. Ибрагим подставлял ему пылающее лицо и умиротворенно закрывал глаза, поддаваясь какому-то необычному чувству. На душе становилось легче. Скупая слеза скатилась по щеке, унося с собой и боль, и обиду, и жажду мщения. Он уже понимал, чувствовал, что будет завтра, и он теперь был готов к этому...

Ночные беседы с отцом, чтение Корана и мудрые рассказы Заурбека о жизни праведных, давали ему новые силы. А по поводу его речи, перед собравшимися, отец обмолвился несколькими словами:

– Ибрагим! Ты выглядел, как раненый зверь. «Животные-люди, превращаются в людей-лис, когда встречают волков-людей». А чтобы не перевоплощаться – оставайся человеком. Чтобы не бояться жить, не бойся умирать!

III

Утром, во дворе Заурбека съезжались и собирались родственники. Мать Хеда, пытаясь себя чем-то занять, хлопотала на кухне, угощала едой гостей. Иногда, забывая, что делала, бесцельно выходила и входила обратно. Зарган находилась в комнате матери, пыталась держать себя в руках, ей это было нелегко из-за того, что она стала причиной происходящего...

На широкой улице, перед двором Заурбека, собралось много родственников и односельчан. Молва обошла всех своих и чужих. Вскоре, большой двор и улица были полны участниками, ожидавших результата. Женщины оставались в своих домах, они лишены «церемонии» подобного рода. Сегодня от дальнейших действий противников, решалось – как быть дальше. Многие были настроены злобно, за посягательство на честь их рода.

Перед домом, напротив дороги, пространство оставалось свободным, словно пустая сцена в ожидании главных действующих лиц. При случае прибытия противников это место предназначалось занять им. Ибрагим подошёл к своим сверстникам и встал чуть в стороне, скрестив руки за спиной и опустив голову. Он был бледен и спокоен, стройный, подтянутый, юный – почти мальчишка, и только глаза могли выдать его истинные чувства. За эти дни пытливые, веселые глаза парня стали задумчивыми и серьезными – глазами взрослого человека, мужчины переживающего личную драму. Ибрагим стоял в той же позе, когда недалеко от них остановилось несколько машин. Из них вышли незнакомые мужчины, это были те, кого с таким нетерпением ждали, но не было известно, с «чем» они явились. Наступила мертвая тишина! Вдруг, приехавшие открыли заднюю дверь одной из машин и вывели молоденькую и очень красивую девушку, которую Ибрагим видел в доме Ахмеда.

Собравшиеся во дворе Заурбека, как по команде, встали полукругом, обращая взоры в сторону приезжих. Один из сопровождающих девушки указал ей место, где она должна встать, остальные оставались у своих машин, не смея от стыда поднять головы.

Во дворе прошли удивленные возгласы: «Что они делают?»

Между тем, девушка пошла в сторону указанного ей места. Не оглядываясь на своих сопровождающих, она дошла до центра свободного пространства и остановилась. Одетая в черное одеяние, словно в трауре, она стояла, кусая губы и глотая душившие ее слезы. Вдруг из той же машины, с которой вышла девушка, выскочила женщина средних лет, не подчиняясь окрикам ее спутников, бледная, дрожащая, но с твердой решимостью в глазах, направилась в сторону девушки. Женщина была красива своей решимостью и внешне, и хотя лицо ее было искажено нечеловеческими душевными муками, не трудно было по сходству узнать в ней мать бедной девушки. В самые горестные, в самые трудные минуты жизни дочери, мать стала рядом с ней, чтобы если даже и не отвести, то хотя бы наравне с ней принять позор, выпавший на долю ее ребенка и хотя бы этим оказать ей поддержку.

– Послушайте все, – выкрикнула она, – я мать этой девушки, мы с ней единое целое и попрошу подвергнуть и меня такому же наказанию, которое вы хотите совершить над ней – с этими словами она гордо встала рядом со своей дочерью.

Зарган, выглядывавшая в окно из дома видела, когда вывели из машины девушку, и она бросилась к своей матери:

– Мама, помоги! Мама, заклинаю тебя, помоги! Девушку привезли, пусть ее не трогают наши... мама, я с собой покончу, я убью себя, мама, сделай что-нибудь, – кричала Зарган в истерике.

Хеда обняла свою дочь, взглянула ей в глаза и сказала:

– Глупая моя доченька, в этом доме нет таких подлых мужчин, и твой отец не допустит надругательства над невинным человеком, особенно над девушкой. Я уж хорошо знаю твоего отца и твоих братьев.

Шепот пронесся по двору, и девушка еще ниже опустила голову. Она уже не могла сдерживать себя и слезы текли по ее щекам, дрожали губы, дрожали руки, теребя уголок девичьей шали. А вокруг шушукались ребята, а старики неодобрительно покачивали головой. Молодые люди уже шепотом разыгрывали между собой словами то дочь, то мать, то уступая друг другу, добиваясь права на них, но так, чтоб их не слышали старшие. Это было ужасно и мерзко... Одно молниеносного взгляда Заурбека хватило всем, чтобы уgomонить и остудить горячие головы, кто шептался в толпе собравшихся. Заурбек развернулся лицом к толпе, отодвинул подол бешмета и схватился за рукоять кинжала спрятанный под подолом:

– Клянусь, отсеку голову любому, кто посмеет приблизиться к девушке. Несмотря ни на что, я убью любого, кто хоть одним движением посмеет оскорбить женщин в моем доме. Мужчины рождены оберегать честь женщины, а не лишать в позорном бесстыдстве и насилии.

Из дома вышла мать Ибрагима Хеда. Она подошла к бедной девушке и плача обняла ее, прижимая к себе, словно пытаюсь укрыть от любопытных взоров, от беды, от сего дурного. А та захлебываясь и уже плача навзрыд, все твердила:

– Тетя, тетя, пусть делают со мной, что хотят, только пусть не трогают папу. Я на все согласна, только не трогайте папу...

– Не бойся, доченька, здесь тебя никто не обидит, не плачь, и папу твоего уже не тронут. Все будет хорошо. Я принимаю тебя как свою гостью, а моя гостья под защитой мужчин моей семьи, если они остаются теми мужчинами, которые питались с моих рук...

На этом пространстве, перед взорами мужчин, собравшихся жаждой мести, стояли две матери и одна девушка, пытаюсь удержать всхлипы и слезы. В доме напротив, рыдала еще одна девушка, уткнувшись в подушку. Их слезы, их боль известны только им и Всевышнему. Наступили самые тяжелые минуты для всех присутствующих здесь. Приезжие с женщинами мужчины не знали, куда себя деть от позора, они стыдились поднять головы, стесняясь встретить взгляд тех, кто, напротив. Но и мужчины со стороны Тасуевых испытывали горечь произошедшего на их глазах. У многих, особенно у старцев в глазах появились слезы сожаления происходящему. Каждый в своем уме перебирал все свои поступки в жизни, и благодарили Бога, за то, что им не пришлось испытать подобное унижение в своей жизни, которая испытывала сторона виновника. Урок был поучителен для всех на долгую жизнь, для присутствующих и для тех, кто об этом услышит.

Добровольная сдача дочери на поругание, чтобы спасти свою шкуру и достигнуть мира – отец девушки все же обрек себя на позор. Но увы, чем строже закон, тем меньше аморальности в народе. Лучше бы отец девушки заплатил бы собственной кровью, чем обречь свою дочь на позор – думали те, кто лицезрел эту драму. Мужество, благородство, сила воли, милосердие, мудрость семьи Заурбека одержала победу над гневом. Они не прикоснулись к девушке, имея на это право мести, но месть над беззащитной девушкой не возвышала их в собственных глазах. Но от этого унижение девушки не становилось меньше, ее унижил собственный отец, спасая свою шкуру.

Заурбек дал знак старейшину из своего рода Бетерсолту, чтобы тот дал понять приезжим с женщинами, что они могут быть свободны. Бетерсолт подошел к стоявшим женщинам и сказал им, чтобы они шли за ним. Он отвел их к стоявшим мужчинам возле своих машин и сказал:

– Вы свободны, и мы свободны. У нас нет к вам больше никаких вопросов, путь ваш свободен.

Не прошло и полминуты, как гости скрылись за поворотом в конце улицы, унося с собой позор и унижение. В какое-то время продолжала стоять тишина, многие старцы и молодые вытирали руками свои влажные глаза. Эта влага поступала из глубины их сердец, влага скорби безумству, и, с другой стороны, мужеству благородства. Не было слов достигнутому, собравшиеся расходились молча, сначала тронулись со своих мест старики. И один за другим молча стали расходиться и молодые. Ибрагим стоял в той же позе и глядел в «никуда», словно

хотел разглядеть что-то сокровенное в туманной завесе. К нему подошел брат Саид, обнял его и поблагодарил:

– Спасибо, за выдержку. Я был уверен в тебе, что ты благородный и благоразумный.

Чуть погодя к Ибрагиму подошел старейшина Бетерсолта и крепко его обняв, сказал:

– Мое уважение к тебе окрепло и возросло! Ты настоящий мужчина!

Ибрагим ушел к себе и спал до глубокой ночи, а когда проснулся, пошел к отцу в дом.

В доме не спали двое...

Армия

I

Настал день сборов. Ибрагим, как и все призывники, уже прошел военно-медицинскую комиссию и выслушал наставления военного комиссара. Каждому призывнику после прохождения последней медицинской комиссии в Грозном вручали приписное свидетельство, в котором предписывалось явиться в определенный день и час в районный военкомат для переклички и получения военного билета, а уже оттуда – на сборный пункт. Приписное свидетельство было датировано 2 ноября 1979 года. Чечено-Ингушетия из года в год, во время весеннего и осеннего призывов в армию, постоянно перевыполняла план по набору призывников. На Кавказе считалось позором среди молодежи уклонение от службы в армии. Ежегодно весной и осенью, в определенное время, ежедневно уходили эшелоны с призывниками.

Первого ноября в доме Заурбека устроили молодежные проводы. Вечером, после заклания жертвенного барана, старики провели молитвенный обряд – моулид. Кто не имел возможности прийти попрощаться с Ибрагимом утром, перед отправкой на сборный пункт, сделал это накануне вечером. Все желали ему удачи, звучали напутственные слова. Старики советовали не терять голову и рассудок, ни при каких обстоятельствах, желали доброго пути и счастливого возвращения домой по окончании службы.

Ночью семья осталась в своем кругу. Многие обещали вернуться утром, чтобы еще раз попрощаться с Ибрагимом. Спать легли поздно. Но, как и всегда в тревожные ночи, в доме снова не спали только двое. Не был спокойным сон и у Хеды.

Рано утром Заурбек, совершив утреннюю молитву, вышел во двор, чтобы встретить односельчан, желающих попрощаться с его сыном. Люди шли к дому Заурбека, женщины несли Ибрагиму подарки и продукты в дорогу – так принято у чеченцев. Ибрагим отшучивался: «Вы на два года службы заготовили мне провизию. Тут на всю армию хватит! Как же я все это доведу? Нужно у министра обороны заказать железнодорожный состав».

Провожать Ибрагима до сборного пункта должны были поехать его мать, а также старший брат Саид, сестра Зарган и несколько ребят из числа его родственников. Когда все вышли во двор и начали готовиться к отъезду, Заурбек остался в доме, зная, что сын обязательно зайдет к нему в комнату попрощаться наедине, втайне от провожающих. У чеченцев не принято, чтобы отец открыто выражал свои чувства к собственным детям, особенно к сыновьям.

Когда Ибрагим зашел к отцу, тот сидел на деревянном топчане и читал молитву, в которой просил у Всевышнего удачного пути для своего сына. Ибрагим, молча стоял и ждал, пока отец закончит молитву. Заурбек встал и сказал сыну: «Ибрагим! Я надеюсь, что у тебя все будет хорошо, и не забывай писать матери письма о себе и о своих делах. Ты знаешь, она очень тебя любит и переживает за тебя».

– Я это знаю и буду всегда об этом помнить, – ответил Ибрагим.

Заурбек сделал шаг к выходу, Ибрагим тут же отступил в сторону, чтобы пропустить отца вперед. Так он был воспитан и таков обычай – уступать дорогу старшим.

Заурбек, выйдя во двор, поблагодарил всех пришедших проводить Ибрагима и обратился к старшему сыну Саиду: «Езжайте тихо. Будьте осмотрительны в пути. Не гоните машину. Да будет ваш путь свободным (марша гЮйла)!» Это означало, что Ибрагиму и тем, кто поедет провожать его, можно садиться в машины и трогаться в путь. С этими словами Заурбек развернулся и пошел в дом.

В райвоенкомате, куда прибыли призывники Урус-Мартановского района, военный комиссар выстроил их перед зданием военкомата. Он изъял у каждого приписное свидетель-

ство, вручил всем военные билеты и произнес традиционную напутственную речь, в которой говорилось о высоком долге служения социалистической Родине, о благородной миссии советских солдат. После этого, как по мановению дирижерской палочки, загремел военный духовой оркестр, который стоял чуть поодаль от строя призывников. Трубы под барабанную дробь выдували знаменитое «Прощание славянки».

Призывников погрузили в автобусы и повезли в Грозный, на центральный сборный пункт. Провожающие последовали за ними, кто на своем автотранспорте, кто на специально предоставленном автобусе.

Сборный пункт окружал высокий кирпичный забор, по верху которого была натянута колючая проволока. Сделано это было для того, чтобы подвыпившие провожающие не смогли проникнуть на территорию, подведомственную Министерству обороны. Вход охранялся солдатами и сержантами внутренних войск. Здесь проходила как бы граница между гражданским миром и миром военных. По периметру сборного пункта росли высокие тополя. У парадного входа перед сборным пунктом был ухоженный сквер, в котором на одеялах и газетах расположились провожающие. У взрослых в глазах были тревога и печаль и не удивительно, вдруг их «ребенка» отправят в Афганистан?! А молодежь веселилась.

Молодости несвойственно чувство страха, да и печаль у нее недолговечна. Молодости жизнь представляется как сплошной праздник, с песнями и танцами, анекдотами и шутками. Умудренная жизненным опытом зрелость и старость знают, что жизненный путь человека усыпан не только розами, но и шипами от них, и что подчас в жизни шипов больше, чем роз.

Наконец были произведены все необходимые формальности, после чего провожающим дали возможность попрощаться с призывниками уже на территории сборного пункта. Толпа устремилась вовнутрь. Каждый старался сказать своему сыну, брату, родственнику или другу самое сокровенное, самое важное перед долгим расставанием. Все, смеясь и плача, делали над собой усилие в тщетной надежде вспомнить и сказать самые важные, самые нужные слова. Перед разлукой не отходила ни на шаг от Ибрагима его уже седая, красивая и нежная нана (мама). Нет, так и не вспомнит и не скажет она этих самых сокровенных слов своему сыночку, а все последующие два года долгими днями и ночами будет перебирать их в уме, не находя нужных. Она будет нежно трогать, поглаживать своими материнскими руками все вещи, в которых он ходил дома. По-настоящему способна любить только мать, но ее язык не в состоянии передать трепет сердца, крик души, муку и тревоги каждой клеточки ее слабого женского существа о своем чаде. Это выше ее сил. Но внимательный и любящий сын может прочесть в глазах матери все, что она не смогла выразить словами. Растерянный взгляд Хеды блуждал по толпе провожающих, постоянно останавливаясь на Ибрагиме. Она видела, как некоторые матери, обнимая своих сыновей, несдержанно рыдали. Но она обещала себе, что не позволит, чтобы ее сын, ее кровиночка, заметил в такой трудный для него день ее слезы – ему будет тяжело их видеть. Он всегда был добр и нежен с ней, и если она не скроет от него свою печаль, то он будет себя корить, что явился виновником ее слез и печали. Она не расстроит его, она покажет ему себя сильной, и тогда ему будет легче служить, хотя ей будет очень сложно скрыть от его проникновенного взгляда свою тоску. Вдруг она встрепенулась, и ее напряженный взгляд устремился в одну точку. Она увидела знакомую фигуру. Хеда узнала Хаву – чернобровую красавицу, дочь Ахмеда, их односельчанина. Стройная как лань, с лебединой шеей, с красивым лицом, с черными, как смоль, косами и румянцем во все щеки, Хава была настоящей красавицей. Хеда всегда мечтала о том, чтобы она стала женой Ибрагима. Он же, когда она ему делала намеки по этому поводу, отшучивался.

Хава провожала в армию своего брата. Заметив, что Хеда наблюдает за ней, Хава упорхнула, как встревоженная пташка, в толпу. Хеда улыбнулась и сказала Ибрагиму:

– Видел, какая скромница на тебя глядела, пока мы ее не обнаружили? Смутилась, милая, и упорхнула. Ибрагим, покраснев, сделал слабую попытку оправдаться, но, не сумев совла-

дать с собой под напором насмешливых глаз матери, сестры Зарган и брата Саида, отвернулся. Хеда же снова заметила вслух:

– Хава красивая и умная девушка, из хорошей семьи и уважаемого рода.

При выборе невесты у чеченцев большое значение придавалось тому, из какого она рода. Это был не просто каприз, а установившаяся на основе жизненного опыта традиция у чеченцев. Жизнь подтверждала правило, согласно которому «яблоко от яблони не далеко падает». И вековые наблюдения людей, не знакомых даже с азами генетики, привели их к выводу о том, что только хорошее зерно способно давать хороший урожай и что только хорошая мать может вырастить хороших детей.

Объявили построение призывников. Ибрагим нежно обнял мать, брата и сестру, схватил свой вещмешок и побежал в строй.

Провожающих попросили выйти за территорию сборного пункта. Счетчик времени стал отсчитывать срок службы Ибрагима. А провожающие, зная, что новобранцев повезут на железнодорожный вокзал, ринулись туда.

Вечером того же дня с сотней других призывников Ибрагима привезли на железнодорожный вокзал. Их разместили по плацкартным вагонам, провели перекличку и дали команду машинисту электропоезда трогать. Провожающие бежали по перрону вслед уходящему составу, махали руками ребятам, выглядывавшим из открытых окон вагонов, кричали что-то напоследок, передавали в протягиваемые руки пакеты с разными сладостями, сигаретами, продуктами. А поезд, быстро набирая скорость, начал свой бесконечный перестук колес, оставляя за собой, километр за километром, бескрайние просторы страны Советов. За окном менялись ландшафты. Деревья избавлялись от своего летнего наряда, желтые листья один за другим падали на землю, покрывая ее своим золотым нарядом, а поезд, равнодушно вреза-ясь в предвечерние сумерки, шел и шел. За окнами мелькали леса, поля и реки. Иногда он останавливался на промежуточных станциях, чтобы пропустить железнодорожные составы.

Согласно установкам Министерства обороны, призывника как можно дальше удаляли от родных мест. Так, юноши с Кавказа служили в глубинных и окраинных районах СССР, тогда как контингент солдат, служивших на Кавказе, был собран преимущественно из сибиряков и украинцев. На первый взгляд, в этой дорогостоящей «рокировке» не было смысла. Но только спустя много лет Ибрагим понял, что это была глубоко продуманная и проверенная опытом политика.

Понимание этого пришло к Ибрагиму, когда он стал наблюдать по телевизору за событиями, предшествовавшими падению советской империи. Это были события в Баку, Тбилиси, Вильнюсе, где происходили столкновения армии с мирным населением. В рядах оборонявшихся были только местные жители, в рядах наступающей армии – только солдаты, выходцы из других регионов Советского Союза.

Понимание этого стало крепнуть, когда Ибрагим начал наблюдать за происходящим в России в период становления и укрепления власти Бориса Ельцина. Он был уверен в том, что за рычагом управления танка, с грохотом несущегося по улицам Москвы, не мог сидеть москвич, и москвич не способен был направить дуло на белоснежное здание парламента и выстрелить по нему. Понимание этого окончательно укрепилось в его сознании, когда он стал свидетелем «убийства» столицы его республики города Грозного.

Злой умысел военного командования заключался не в том, что они хотели отправить призывника подальше от малой родины, а в том, что они, изучив и зная психологию человека, предусматривали возможность возникновения неординарной ситуации, разрешение которой требует применения военной силы. Тут материальные затраты Министерства обороны по перевозкам и переброскам призывников с одного конца страны в другой, из одной республики в другую с лихвой окупались в один момент. Ведь не станет солдат, если он, конечно, не сумасшедший, расстреливать дома и улицы, деревья и памятники города, по которому он бежал

в детстве, в котором родился и в котором живут его близкие и друзья. Нет, не расстреливали Грозный и его жителей выходцы из Чечено-Ингушетии, а если все-таки среди этих палачей и были такие, то имя им не люди, а некое другое, неведомое.

II

На одиннадцатые сутки эшелон с призывниками прибыл на Дальний Восток, в Хабаровск. Прямо с железнодорожной станции их погрузили на встретившие их военные грузовики и повезли в N-скую часть.

Ибрагим попал в школу сержантов. После ее окончания ему предстояло по распределению служить сержантом в какой-нибудь части. Учеба в этой школе занимала полгода из двух лет армейской службы.

Солдатская жизнь Ибрагима текла однообразно, как это обычно бывает в армии в мирное время. С командирами и товарищами он общался столько, сколько требовали его армейские обязанности, за исключением тех конфликтов между солдатами разного периода службы, которые происходят в любой армии. Бывало всякое, но Ибрагим имел достоинство и смелость постоять за себя и своих товарищей.

Их иногда избивали старослужащие, но и они не оставались в долгу. Однажды на тактических учениях один из старослужащих сержантов решил показать перед остальными свое превосходство над Ибрагимом. Но, получив сильный удар в челюсть, мгновенно утратил былой гонор и презрительное отношение к молодым курсантам.

Постоянные учения, штудирование воинских уставов, физическая подготовка – воинская служба давалась нелегко. Ибрагим, получивший до армии хорошую физическую закалку, отличные знания в школе, достойно переносил все тяготы армейской жизни. Ни строгий распорядок дня, ни изнурительные физические упражнения не могли поколебать его воли, а, наоборот, закаляли ее. Даже болезненные для его самолюбия придирки командиров и сержантов этой школы он старался не воспринимать слишком близко к сердцу. Казалось, что денно и нощно эти командиры и сержанты следили за курсантами, придираясь ко всем мелочам. А курсанты все упорнее закаляли себя, повторяя: «То, что нас не убьет, сделает нас более сильными».

Ибрагим сначала не мог понять, почему командиров интересуют такие мелочи, как, например, застегнуты ли все пуговицы на гимнастерке, чем курсант занимается в свободное время, с кем общается, о чем говорит. В школе сержантов были люди разных национальностей. Из чеченцев был один Ибрагим. Курсанты, разделившись по землячествам, сообща защищали интересы друг друга. В том, что это необходимо, Ибрагим убедился, когда произошла драка между азербайджанцами и армянами.

Причиной ссоры, приведшей к драке, явился отказ азербайджанца по имени Арсен чистить туалет. Свой отказ он мотивировал тем, что сержант Самвел, армянин по национальности, незаконно, с целью унижить, посылает именно его, а не армянина из своего взвода, который, будучи в наряде, должен был чистить туалет. Из-за этого Самвел ударил кулаком Арсена в лицо. За того вступились его земляки-азербайджанцы и избили Самвела, за которого, в свою очередь, вступились армяне. Так инцидент перерос в групповую драку на этнической почве. После вмешательства офицеров драка была остановлена, но только до поры до времени, так как обе стороны пригрозили друг другу мстить до победного конца. Таким образом, конфликт мог дойти до кровопролития. Тут выход нашел Ибрагим, предложив противоборствующим сторонам честный и мужской поединок – один на один. На поединок должны были выйти виновники конфликта – армянин Самвел и азербайджанец Арсен.

Несмотря на то, что сержант Самвел отслужил год и три месяца, а Арсен – всего лишь три месяца, прав был Арсен, и Ибрагим видел его правоту и готовность отстоять ее любой ценой.

Загнанный как зверь в угол, Арсен представлял собой опасность для Самвела, но тот этого не замечал, чувствуя себя защищенным как старослужащий. Самвел рассчитывал также на неписанные законы «дедовщины».

Арсен был страшно напуган предложением Ибрагима, хотя был сильнее, что не могло ускользнуть от взора такого опытного борца, как Ибрагим. Он поверил в Арсена и не ошибся. Решительность в глазах Арсена и брезгливость в лице Самвела вызывали у многих симпатию к первому. После вечернего отбоя, когда уже многие уснули, четыре человека – Арсен со своим секундантом Ибрагимом и Самвел со своим «секундантом» Толганом, узбеком по национальности – вошли в умывальную комнату, размеры которой позволяли двум противникам развернуться почти как на ринге. Удары можно было наносить кулаками и ногами по всему телу, и только одно правило – лежащего не бить. Если не отнести этот случай к мистике, то за пять-шесть секунд поединка Самвел был нокаутирован Арсеном ударом в челюсть.

На следующий день, как ни странно, офицеры части сделали вид, что им ничего неизвестно о ночном поединке. Впрочем, они всегда закрывали глаза на теневую сторону армейской жизни.

Только на занятиях замполит, как бы, между прочим, заметил:

– Вот если бы все решали межнациональные проблемы, как это делает Тасуев Ибрагим, давно бы наступил мир во всем мире.

Сказано это было явно с сарказмом, но Ибрагим сделал вид, что он не понял о чем речь. К сожалению, для Ибрагима и многих других инцидент на этом не закончился. Самвел снова настроил своих земляков против Арсена, и ему была устроена засада в темном коридоре казармы, после чего началась групповая драка, «стенка на стенку», между армянами и азербайджанцами. В результате получили увечья почти все участники драки. Разбирательство этого инцидента проводилось военным дознавателем в течение месяца. Виновниками и зачинщиками были признаны Самвел, Арсен и Ибрагим. Командир учебной части, видимо остерегаясь широкой огласки, ограничился легким наказанием – они были посажены на несколько суток на гауптвахту.

Несмотря на то, что Ибрагим держался особняком, его независимый нрав и способность при необходимости постоять за себя были замечены не только сослуживцами, но и командирами и офицерами.

Относительно независимым может быть только тот, кто очень богат, либо имеет большую власть. Убедиться в истинности этих аксиом жизни Ибрагиму пришлось, как говорится, «на собственной шкуре».

Всем, кто служил в армии, тем более в советской, известно, что офицеры не любят независимых солдат. Задача командиров – сломить молодого человека, то есть подчинить, и как они сами говорят, «отучить от гражданки» и сделать из него послушное существо, слепо и беспрекословно выполняющее требования устава и командира.

За «перевоспитание» Ибрагима взялся замполит роты капитан Литвинов. Он всячески придирался к нему. Юноша был уже на грани срыва, но его сослуживцы заметили и предупредили надвигающуюся драму.

Сержант Юрий Крутов к моменту призыва в ряды СА был отчислен из Московского автодорожного института с третьего курса. О причине отчисления он не любил рассказывать, и никто ее толком не знал. Среди сослуживцев Юрий выгодно выделялся своей интеллигентностью, подтянутостью. Призванный в армию на полгода раньше Ибрагима и уже окончивший эту школу, он, по решению командования, остался служить и воспитывать молодых курсантов. Юрий был интересным собеседником, играл на гитаре, умел остроумно шутить. Словом, был «своим парнем» в любой компании. Неслучайная беседа Юрия и Ибрагима продолжалась долго. Юрий открыл Ибрагиму глаза на многие вещи, предложил ему свою дружбу и поддержку, что было встречено последним с большим удовольствием и благодарностью. С этого дня они начали часто общаться, у них оказалось много общих интересов.

В курсантских трудах и заботах, в монотонной жизни, которую лишь изредка разнообразили мелкие перепалки между курсантами, прошло полгода. Последняя неделя прошла под

знаком подготовки территории части к праздничному мероприятию, посвященному торжественному выпуску курсантов школы. С утра и до самого отбоя курсанты носились по территории части, белили бордюры, красили заборы, подметали. Все кругом и так блестело, но таковы правила «игры» у военных – вдруг нагрянет военная инспекция из штаба округа, и потому чистоте и порядку не должно быть предела. Наконец, все готово – военный городок украшен различными транспарантами, знаменами, кругом все чисто и опрятно. Командование и выпускники школы сержантов готовы к майским торжествам. Экзамены по всем пунктам и правилам сданы под строгими взорами экзаменаторов. Присвоение званий и награждение различными значками за отличие в службе курсантов и поощрение сержантов и офицеров различными подарками, очередными званиями, отпусками с побывкой на родине приурочены на завтра – Первое мая, день Всемирной солидарности трудящихся. Утром на десять часов был назначен военный парад и шествие трудящихся по центральной городской площади имени Ленина.

В СССР военные парады проводились в воинских частях в ознаменование всех революционных праздников и важных событий государственного и военного значения.

III

Утром 1 Мая, несмотря на морозящий дождь, состоялся парад.

Вечером уже на территории учебной части, в Доме культуры офицеров, началось торжественное мероприятие со всей помпезностью, на какую способны военные. После официальной части состоялся праздничный концерт с участием ансамбля части, а также артистов местной эстрады.

Концерт проходил с «огоньком». Выпускникам и семьям офицеров это действо доставляло большое удовольствие. Особенно радовались выпускники – ведь через несколько дней им предстоит стать командирами. Они будут нести уже вполне самостоятельную службу, от них будут зависеть судьбы и, быть может, жизни их подчиненных. А сейчас, после шестимесячной военной учебы, им нужно немножко расслабиться. И от концерта они получают большую зарядку, заряд бодрости и прилив новых сил.

Посещение подобных мероприятий было традицией в семьях военных. Вместе с другими членами семей офицеров на торжество пришла и жена заместителя командира части по политической работе Вера Степановна со своей дочерью Ольгой. К ним в компанию напросился замполит роты капитан Литвинов. В отличие от других младших офицеров, командиров взводов и рот, Литвинов был холостяком. Дочь замполита части, подполковника Тарасова, нравилась Литвинову, и он всячески пытался угодить ей и ее родителям.

Литвинов был личностью приметной. Два года назад он с отличием окончил военное училище. Отец его занимал высокую должность в генштабе, и потому Литвинов вышел из стен училища уже старшим лейтенантом, а через два года ему досрочно присвоили звание капитана. Надо отметить, что природа не обделила капитана ни ростом, ни красотой, ни тщеславием. Учеба в престижных школах Москвы, высокопоставленные родители, помимо заметных знаний, способствовали развитию в нем таких свойств, как высокое самомнение, спесь, тщетно скрываемую под маской служебного долга. Капитан смотрел на всех свысока, ему казалось, что все окружающие – курсанты, сержанты и офицеры – должны беспрекословно выполнять любые его прихоти.

Несмотря на свой ум и внешнюю притягательность, капитан имел мало друзей среди сослуживцев. Да и те, которые ходили в друзья у капитана, делали это отнюдь не бескорыстно. Сам же Литвинов видел себя уже в генеральских погонах в генштабе в окружении услужливых подчиненных, готовых выполнить любое его мимолетное желание. Литвинову для полного счастья не доставало лишь красивой невесты, такой, как Оленька Тарасова.

Будучи единственным ребенком в семье, Ольга с самого рождения была окружена всесторонней заботой, вниманием и любовью родителей. Они, как говорится, души не чаяли в своем чаде и делали все от них зависящее, чтобы она выросла, не нуждаясь ни в чем. Ольга получила музыкальное образование, с увлечением занималась плаванием, теннисом. Проблемы в школьном образовании родители решали с помощью репетиторов. Это позволило ей, девочке от природы способной и умной, с отличием окончить школу и без каких-либо протекций поступить в Хабаровский университет, на экономический факультет. Хотя Ольга и не была кричаще красивой, но ее ладная фигура, искрящиеся жизнью и молодостью, глаза не позволяли мужчинам без внимания пройти мимо нее. При всем этом, уже через несколько минут общения с ней, нельзя было не заметить, что она имеет чувствительную и отзывчивую душу, скрываемую под маской вечной насмешницы и хохотуни. Как правило, чрезмерная любовь родителей портит детей, делает их эгоистами, но на Ольге это не отразилось – наоборот, она вобрала в себя все хорошее, чтобы в последующем щедро одарить им своего избранника и своих будущих детей, а также отвечать взаимностью родителям.

«Сверхчеловек» Литвинов не мог обмануть чувствительную и нежную душу Ольги. И поэтому она тактично отклоняла все его попытки завоевать место в ее сердце.

Ухаживания капитана не были секретом для матери Ольги. Она предвидела блестящую карьеру капитана и потому всячески поощряла его ухаживания, желая устроить будущее своей дочери. На этот праздник Ольгу привело нежелание обидеть мать. Нельзя сказать, что она откровенно скучала, но и особого восторга от этой воинской церемонии не получала. Ее воображение занимал один сержант, на которого она обратила внимание еще в самом начале торжественного мероприятия. При взгляде на него Ольга поняла, что еще никогда не встречала такого красавца. Она обратила внимание на его непосредственность и на то, что он отнюдь не кичится и даже не чувствует свою привлекательность. Ольга сделала невольное сравнение между капитаном Литвиновым и сержантом-незнакомцем: сравнение получилось не в пользу первого.

– Конечно, ростом и сложением они внешне похожи, – рассуждала Ольга, – но дальше они разнятся: капитан светловолосый, голубоглазый красавец, но в его лице проглядывается какая-то недоработка, какая-то небрежность природы, тогда как в сержанте все безупречно. Тонкое аристократическое лицо, во всем облике чувствительная гармония и законченность. Весь он, от волнистых черных волос и изумительно красивых карих глаз до изящных с длинными пальцами рук, настоящее совершенство. Не может быть, чтобы этот сержант не осознавал, как богато одарила его природа. Но как просто он себя ведет.

Воображение девушки еще долго было занято новым объектом ее внимания, и, пожалуй, только окончание концерта прервало ее фантазии. В сопровождении матери и капитана Литвинова Ольга отправилась домой. Капитан любезно предложил себя в провожатые в тот момент, когда отец Ольги, подполковник Тарасов, предупредил жену и дочь, что ему необходимо задержаться еще на час. У подъезда дома Тарасовых Литвинов галантно распрощался с дамами и пошел обратно в часть. Всю дорогу Ольга рассеяно слушала словоизлияния капитана и облегченно вздохнула, лишь, когда капитан откланялся.

Следующая неделя жизни Ольги прошла в грезах и фантазиях, связанных с сержантом.

Образ, начинающий бледнеть, воскрес также неожиданно, как появился в первый раз. Только позже, когда пришло расставание и прошло время, Ольга поняла, что ее вела к нему сама судьба. Судьба, единственно желанная и счастливая, какая только может быть у женщины. Судьба, которая является мечтой всякой женщины. К величайшему сожалению, настоящее счастье не бывает долговечным.

Командование учебной части предложило Ибрагиму остаться при школе для работы с призывниками. Юрий тоже хотел, чтобы его товарищ был с ним рядом. Ибрагим с радостью согласился. Он стал заместителем командира взвода в звании сержанта. Юра был уже старшиной роты, в состав которой входил взвод Ибрагима. Служба шла – день прошел и слава Богу, как говорят солдаты.

Знакомство Ольги и Ибрагима состоялось вскоре, и оно было романтическим в самом хорошем смысле этого слова.

IV

Был август. Уже несколько дней на небе не было ни облачка и солнце пекло невыносимо. Трава и деревья в городе были покрыты тонким слоем пыли, и с утра в этот воскресный день дул теплый ветер. Спасение можно было найти лишь в городском парке, возле прудов и цветочных клумб, где могучие деревья заслоняли собой от горячих лучей солнца, тем самым даря людям тень и прохладу.

В полдень, после длительного сна, Ольга и ее подруга Галина, созвонившись по телефону, договорились встретиться в парке и погулять вдвоем. Через несколько часов, порядком проголодавшись, они зашли в кафе «Уют». Во время каникул, когда делать было нечего, подруги часто проводили здесь свое свободное время. Отдохнуть и перекусить в кафе девушкам не удалось – помешало назойливое внимание двух подвыпивших юнцов. Они решили уйти. Выйдя из кафе и отойдя от него на приличное расстояние, Ольга с Галиной присели на скамейку. Но не тут-то было! Пьяные юноши, сразу же последовавшие за ними, подошли к ним и начали предлагать познакомиться и вместе покурить. Девушки не знали, что им делать. Путь к отступлению был отрезан. Оставалось только звать на помощь, но они не знали, как на это отреагируют преследователи – могут ударить или оскорбить. Эти тревожные мысли были прерваны новыми действующими лицами, положившими конец если не надвигающейся драме, то уж, вне всякого сомнения, большим неприятностям для девушек.

Подошедшие были в военной форме. Их сильные и подтянутые фигуры не вызывали у хулиганов желания особенно долго с ними спорить, и они быстро удалились. Оправившаяся от шока Ольга узнала в одном из спасителей «своего» сержанта. Это был Ибрагим.

Получив увольнение, Ибрагим и Юрий искали место в городе, где можно было интересно провести время. Их не тянуло на дискотеки или на концерт. Идти в кино также не хотелось из-за сильной жары. И они решили пойти в парк, в котором можно было бы спокойно погулять, поговорить и отдохнуть. Но встреча с хулиганами и последовавшие за этим события внесли значительные изменения в планы друзей.

После того, как пьяные юнцы ретировались, Ольга и Галя искренне поблагодарили своих спасителей. Для такого опытного молодого человека, как Юрий, было очевидно, что девушки не прочь познакомиться с ними. Но Ибрагим, не искушенный в делах подобного рода, считал, что их миссия окончена, и был готов в присущей ему скромной манере принять от девушек благодарность и продолжить прогулку вдвоем с Юрой. Тот же знаками и незаметным для девушек толчком в спину дал ему понять, что намерен продолжить беседу. Ибрагим уступил желанию друга. Юрий в корректной форме предложил свое общество девушкам, которые с удовольствием приняли это предложение. Они представились. Юра начал свою атаку на сердца девушек, и с этой ролью он прекрасно справлялся, применяя в своей тактике эрудицию и прежний опыт. Ибрагим скромно отмалчивался, чем вызывал недовольство своего друга и большой интерес со стороны Ольги. Свое недовольство Юрий выразил шуткой:

– Девчата, вы на него не обижайтесь! Мой друг совсем недавно спустился с гор за керосином, а кто-то забыл поднять его обратно по веревке, и поэтому он несколько диковат. Но парень он хороший, и чтобы это понять, нужно его немножко растормошить. Заинтересованная Ибрагимом Ольга начала потихоньку брать инициативу в свои руки и выводить его из отстраненного состояния. Сначала Ибрагим ограничивался односложными ответами, но потихоньку становился все более общительным и открытым. Разговор с Ольгой стал его занимать. Когда выяснилось, что Ибрагим – чеченец, Ольга сказала, что о чеченцах она почти ничего не знает, представляет их лишь по произведениям Толстого, Пушкина, Лермонтова, а об их выселении знает от отца, который рассказывал об этом, когда они всей семьей смотрели по телевизору передачу о великом мастере танца Махмуде Эсамбаеве.

Ольга попросила Ибрагима рассказать ей о своей родине. Поначалу он не знал, о чем говорить и хотел ограничиться несколькими словами, но потом увлекся и не мог остановиться. Воспоминания, дремавшие в Ибрагиме и съедающие тихой тоской его сердце, проснулись, а проснувшись, забурлили и потребовали выхода наружу. Он начал рассказывать Ольге о фантастическом чувстве, которое он всегда испытывал, когда встречал утро в горах. Несмотря на то, что на протяжении всей своей недолгой жизни, он каждое утро наблюдал одну и ту же картину, он не мог перестать восхищаться этой красотой.

– Утро в горах всегда ясное, свежий ветерок нежно наполняет легкие. Когда ты вдыхаешь утреннюю прохладу, она кажется осязаемой. Если медленно поднимать взгляд над крышами домов нашего села, – рассказывал Ибрагим, – то сначала показывается зеленое предгорье с густой нежной травой и редкими деревьями посреди этого зеленого «моря», потом картина переходит плавно в лесистые горы, а все выше и выше – в седые снежные скалистые высокие горы. Зеленое царство горных лесов пробуждается пением птиц и яркими лучами солнца. Когда смотришь на этот лес, кажется, что солнце по отдельности здороваётся с каждым деревом, с каждым живым существом, так как лучи солнца один за другим падают на это бесконечное число деревьев. За лесистыми горами выше облаков видны очертания чисто-белых гор, которые, кажется, плывут в небе рядом с облаками. Такое впечатление, что эти облака ушли от своего далекого и бесконечного неба для того, чтобы вести свою вечную игру с полюбившими их горами».

Рассказывая, Ибрагим как будто бы перенесся на крыльях своих воспоминаний в родные пенаты и, стоя у крыльца своего дома, созерцал эту картину и вслух радовался волшебной красоте отчего края. В его рассказе чудилась чарующая музыка, в которой радость сменялась грустью, грусть – торжественной одой природе. Музыка эта завораживала и волновала, как будто она была сочинена самими величественными горами. Гений природы неизмеримо выше гения человека. И, пожалуй, ни один великий композитор не может передать в своей музыке звучание воздуха, бесконечный шелест листьев, журчание горного ручейка, нежную прохладу родника или грохот бурлящей лавины реки Аргун, стремящейся вниз с гор по Аргунскому ущелью, которой до сих пор не было никакой преграды, чтобы в устье воссоединиться с буйным Терекон и влиться в синее Каспийское море. Передать такое не под силу даже художнику, несмотря на обилие красок и богатую фантазию. Хотя слова Ибрагима начинали свой путь из самых недр его романтической души и с грустной торжественностью слетали с его уст, ему не хватало слов, чтобы передать всю красоту его родных мест. Ибрагим, решив, что словами ему не удастся полноценно передать всю полную, яркую, достойную поэзии ритмику гор, замолчал и задумался.

Рассказ захватил Ольгу. Ей показалось, что он спел торжественную оду своей родной земле, и эта песнь была прекрасна. Долго продолжалась беседа молодых людей. Они узнавали мир друг друга, а значит, и друг друга. Время увольнения подходило к концу, но, судя по глазам молодых людей, можно было твердо сказать, что встреча прерывается не навсегда, а до первого удобного случая. Ребятам нужно было возвращаться в часть, но предварительно они вызвались проводить девушек домой.

Проводив Ольгу и Галю до угла их дома, Ибрагим с Юрой попросили у них номера телефонов и обещали, что при первом же удобном случае позвонят им. Молодые люди не знали, когда они получат очередную увольнительную и поэтому не могли назначить точное время свидания.

...Солнце ярко светило в окно. Оно пробивало себе дорогу сквозь плотные жалюзи на окнах. Мерно гудел вентилятор, разнося по спальне небольшую прохладу. Ольга нехотя привстала с кровати. Она бы еще час-другой с удовольствием поспала, но жара согнала ее с постели. Девичьи фантазии и душная ночь не давали ей долго уснуть. Только несколько предутренних часов были отданы сну. Из-за того, что она не выспалась и к тому же не знала,

чем будет заниматься днем, настроения у Ольги не было. Она приняла привычный утренний душ, привела себя в порядок и пошла на кухню. Закончив свой нехитрый завтрак, она пошла в гостиную и, включив телевизор, уселась на диван. Передачи были, как всегда, пресными. По телевизору показывали надоевшую до тошноты борьбу за рыбу в крае, борьбу за уголь в преддверии отопительного сезона и другие довольно нудные вещи. Выключив телевизор, она еще немного помаялась, а потом позвонила Галине. Разговор, начавшийся о погоде и скуке, плавно перешел на вчерашних знакомых. Эта тема оказалась интересной и для Ольги, и для Галины. Телефонный разговор занял более часа, и к концу они договорились о встрече. Вечером девушки немного погуляли, а потом, присев на скамейку в парке, стали обсуждать своих новых знакомых. Каждая считала именно своего избранника лучше и совершеннее. Тема явно доставляла удовольствие обеим. Они начали гадать, когда же ребята позвонят им и позвонят ли вообще. Девушки решили, что они точно позвонят и при первом же увольнении попытаются с ними встретиться. Галина предложила Ольге, если Ибрагим с Юрой не объявятся в это воскресенье, они сходят к ним в часть. Предлог мог быть любым: либо посещение отца Ольги по срочной надобности, либо простой визит к капитану Литвинову. Но Ольга от этой идеи отказалась, объяснив подруге, что отцу это явно не понравится.

Бедные ребята и представить себе не могли, что одна из девушек, Ольга – дочь замполита части, подполковника Тарасова. Об этом при встрече не было сказано ни слова.

Грех Любви

*Прелюбодеяние карается
силой запрета...*

I

Прошла неделя. От ребят, как говорится, ни слуху ни духу. В томительном ожидании звонка прошло и второе воскресенье. Наконец, Юрий позвонил Галине и сообщил, что на этой неделе в субботу они придут с Ибрагимом в парк на то же место, где они встретились в первый раз. Девушка была от счастья на седьмом небе и, казалось, искала ступеньки на «восьмое». Она не стала звонить Ольге, а побежала к ней с радостной вестью. Галина позвонила в квартиру, но дверь никто не открывал. Ей не терпелось, и она вновь и вновь нажимала на кнопку звонка. Вдруг она услышала шум поднимающегося лифта и подумала, что это, возможно, Ольга возвращается домой. И она не ошиблась. Из лифта вышла Ольга с мамой. Галина, словно не замечая Веру Степановну, бросилась обнимать и целовать подругу. Ольга сразу же догадалась, в чем причина ее визита и ликования. Ее мать молча стояла, удивленно глядя на подруг. Потом, не выдержав, сказала:

– Ой, глядите у меня! Возьму ремень отца и выпорю обеих.

Несмотря на суровое выражение ее лица, девочки не переставали смеяться.

Свидание состоялось в субботу, как и условились. Ребята пришли с цветами, и подруги пришли в восторг от такого внимания. Гладко выбритые лица молодых людей, выглаженная парадная форма, до блеска начищенные ботинки и их бравая выправка все больше и больше восхищали девушек. Они мило им улыбались, как будто знали друг друга вечность. Решили посидеть в кафе. Поели мороженого, выпили бутылку шампанского. После этого погуляли в парке и, как часто бывает у людей, к которым неумолимо приближается чувство влюбленности, говорили друг с другом обо всем и ни о чем одновременно. Приятное общение продолжалось до самого вечера. Такие ни к чему не обязывающие встречи происходили еще несколько раз.

Ибрагим с Юрой, обсуждая очередное свидание, пришли к единому выводу, что прогулки вчетвером менее романтичны, чем прогулки по двое. Поэтому встретившись в очередной раз, они пошли гулять парами. Ибрагим с Ольгой решили посидеть на скамейке в тихом месте. Молодости свойственно торопиться в своих чувствах – молодым представлялись свои чувства кристально чистыми, забывая порочность в безудержности. В Ибрагиме боролись две грани: грань его воспитания и грань слепой страсти к этой милой девушке. Голос разума настойчиво звучал в голове: «Остановись, беги, уходи, одумайся, не прикасайся к ней, не грехи, не открывай врата ада...». Но сила слепой плоти влекла к ней, манила, разрушая его изнутри. Чувствительная Ольга, замечала в нем странности, которые она относила к некой робости ее возлюбленного. Сама была неменьше испугана своих девичьих порывов к нему, воспитанная в строгих моральных требованиях в своей семье. Гармония плоти и разума молодых, разбивалась на волнах безумства молодости. Страсть стремительно несла их к безрассудству и неосознанным действиям...

Трудно сопротивляться магнетизму запретного плода. Дьявол-искуситель пожирал, еще неокрепшие души молодых, завлекая в свои сети, где мораль целомудрия и благонравия уступала силе безумства – посредством вкушения запретного. Поистине, сладость греха проходит, но остается наказание за него. Задушевные беседы о прошлом и настоящем, рассказы о просмотренных фильмах, прочитанных книгах не могли удовлетворить пробуждающийся любов-

ный голод влюбленных. Их захватил вихрь желаний, который неумолимо требовал выхода наружу. Сначала робко, затем все крепче и настойчивее Ибрагим сжимал руку Ольги, потом обнял ее за плечи и притянул к себе. Она положила голову на его плечо и посмотрела ему глаза. Они звали, ласкали, в них была нежность и любовь. Губы потянулись к губам и слились в нежном поцелуе. Впервые в жизни губы Ибрагима коснулись девичьих губ, воспламеня жаром незнакомых ощущений все его тело. Он жадно глотал ее горячее дыхание. Первый поцелуй пьянил, обжигал и сводил с ума. Она содрогалась от пылких прикосновений губ Ибрагима. Он был так нежен с ней, с этой милой, хрупкой девушкой, которая разбудила в нем неведомые доселе чувства.

Сила любви – это божественная способность понимать, чувствовать друг друга без слов. Любовь всегда озаряется светом слез, страстей, надежд, эгоизма и обид. Любовь пронизывает влюбленных от костей до мозга, от пят до кончиков волос. Влюбленные витают над бездной, отдают все и, ничего не требуя, умоляют друг друга быть, не исчезать, не оставлять, не покидать. И каждый, кто испытывал эти чувства, тонет в них, отдает свою душу, свои слезы, свое сердце. Любовь и смерть несовместимы. И только она, всепобеждающая любовь, заставляет говорить саму смерть языком любви, и только такая любовь называется человеческой. И лишь человек, одаренный божественным даром, способен на высокую любовь. С любовью ко всему сущему может относиться человек только доброй души.

Отношения Ибрагима и Ольги становились все крепче с каждым днем. Они встречались при каждом удобном случае и использовали для встреч все имеющееся у них свободное время. Несмотря на разный родной язык, разное вероисповедание и разный социальный статус, Ольга и Ибрагим безудержно любили друг друга. Занятые своими чувствами, они почти ничего не замечали вокруг себя; не замечали, что тучи вокруг них начали потихоньку сгущаться, что они становились объектом для сплетен и пересуд.

Гром разразился после того, как Ибрагим побывал у Ольги дома. Ее отец с матерью уехали в отпуск на юг, на Кавказ. Она осталась одна. Ольга не сразу смогла решиться пригласить Ибрагима к себе домой – боялась переступить черту, отличающую благородную девушку от легкомысленной женщины, хотя и безумно любила его. Но страсть взяла верх.

С утра она закупила все необходимые продукты. Приготовила хороший обед. Сервировала стол. Ее старания не остались незамеченными и неоцененными Ибрагимом. Блюда ему понравились, особенно яблочный пирог. Звучала тихая, нежная музыка. Они сидели на диване, наслаждаясь музыкой и обществом друг друга. Ибрагим потянулся к Ольге, и тут ее руки обвили его шею, а его руки сжались у нее за спиной. Их губы встретились. Ее губы, живые, теплые и такие желанные, ответили на его поцелуй. Она обвила его руками так, словно больше никогда в жизни не отпустит...

Ибрагиму казалось, что она – воск в его руках, и в ней сплетены все его желания. Изнурительная внутренняя борьба, тщетное старание сохранить душу в чистоте и силой воли подавить желание, оказались напрасными. Время уже не отсчитывало секунды, оно захлестнуло его. Оно потеряло смысл. Он ощущал ее, но не как отдельное от него существо, а как нечто единое и целое с ним. Никогда уже ему не забыть встречного порыва этих губ, всех сокровенных складок этого тела, словно изваянного скульптором.

Он познал, что значит быть мужчиной и что значит обладать любимой. Она же чувствовала себя неизмеримо счастливой и ни о чем не жалела. Впервые в жизни она испытала минуты такого полного неизмеримого счастья, которое она только что получила с ним, со своим любимым. Она готова была отдать своему Ибрагиму все, всю себя без остатка, не требуя ничего взамен и не претендуя ни на что. Такова сила любви.

Счастье – как сон, счастье – как молния. Время обладания им быстротечно. Время разлуки неотвратимо. И уже боль в глазах влюбленных. Она проводила его до дверей. Он обнял ее и сказал: «Ты самое нежное и прекрасное создание, к которому я когда-либо прикасался. Ты моя нежность».

II

В тот же день, когда родители Ольги вернулись из отпуска, сердобольные соседки рассказали матери Ольги о ее свиданиях с каким-то кавказцем. Вера Степановна, зная характер своей дочери, втайне от нее узнала о нем все. Дальнейшие расследования привели ее к выводу, что дело может зайти слишком далеко, и она решила поделиться с мужем. Отец Ольги нашел самым легким выходом из этой ситуации отправить Ибрагима подальше от Хабаровска. Заместитель командира по политической части подполковник Тарасов Николай Петрович слыл среди сослуживцев, как офицеров, так и солдат, человеком жестким, требовательным к себе и к подчиненным. Но дочь свою дорожил больше всего, больше, чем партийным билетом, и готов был сделать все ради ее счастья и благополучия. Но иной раз слепая ревность к своим родным и близким, чрезмерная любовь к своим детям портят им всю жизнь. Тарасов лично знал Тасуева Ибрагима как лучшего из своих солдат, но даже представить себе не мог, что этот чеченец может понравиться его дочери. Его дочь, его Оленька, влюбилась в какого-то бесперспективного кавказца, у которого к тому же предки были депортированы за пособничество гитлеровской Германии. Этого он не мог допустить.

И через две недели старший сержант Тасуев Ибрагим был в приказном порядке включен в список добровольцев, готовившихся к отправке в Афганистан. Об этом Ибрагим узнал буквально за пару часов до отправки, что лишило его возможности попрощаться с Ольгой.

Поведав Юре о своей беде, Ибрагим попросил его попрощаться за него с Ольгой и передать ей, что он обязательно вернется к ней или за ней. Юра с сожалением посмотрел на него:

– Я не смогу выполнить твою просьбу, так как тоже еду с тобой. Но не переживай. Мы это поручим сержанту Сереге Крушинскому из Москвы, и он это сделает любой ценой. Так что готовь свое послание.

Ибрагим снял висевший у него на шее талисман – серебряную монету. Это был царский серебряник. Он разрубил ее пополам, и получилось два полумесяца. Первую половинку он повесил себе на шею, а на второй проделал дырочку, надел ее на тоненькую веревочку и положил в конверт с письмом, которое передал с благодарностью за услугу Сергей Крушинский. Талисман был подарен ему матерью в день отправки в армию. Она хранила его с юных лет, пронесла даже через высылку в Казахстан. Хеде, матери Ибрагима, эта монета досталась в свою очередь от ее матери. Бабушка Ибрагима, мать Хеды, не раз закладывала ее за банку молока на чужбине. Но каждый раз при первой же возможности выкупала.

Юра с Ибрагимом отбыли в Афганистан. Ольга после получения письма с талисманом долго страдала и плакала, несмотря на утешения родителей. Они ей часто повторяли, что если бы Ибрагим ее по-настоящему любил, то никогда бы не отправился добровольцем в пекло войны.

Ольга так и не узнала, что разлучили их ее мать и отец. Она надеялась и ждала его, перечитывая письмо, написанное им перед отправкой в Афганистан. Она многое не могла понять. Но верила, верила и любила. Где-то в какой-то книге она вычитала, что древние греки считали, что безумная любовь – грех перед Богами, что Боги начинают ревновать и разлучать влюбленных. Ольга была склонна винить себя в этой разлуке, так как считала, что безумно любит Ибрагима.

Со временем она стала замечать, что в ее организме начали происходить процессы, которые говорили о том, что у нее будет ребенок. Она твердо решила сохранить его. Ольга была полна решимости защитить, сберечь своего ребенка, их с Ибрагимом сына. Она была почему-то уверена, что у них непременно родится сын. Сын, которого так хотела она от Ибрагима. Как бы ни повернулась судьба в будущем, она теперь знала, для чего и кого будет жить. Непременно ее сын станет врачом или учителем, как мечтал Ибрагим – стать учителем. Она верила,

что все будет хорошо. Обязательно вернется ее Ибрагим, отец ее сына. В этом она была уверена твердо.

Ольга сидела на диване и читала книгу, подаренную Ибрагимом, «Кавказские поэмы» М. Ю. Лермонтова. Она читала поэму «Измаил-Бей»:

*И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро-добро, и кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.
Темны преданья их. Старик – чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал...*

Глаза Ольги наполнились слезами, и вдруг она зарыдала от обиды, от несправедливости. «Ну почему, за что меня разлучила судьба с моим милым?» – причитала она.

У Ольги была фотография Ибрагима, на которой он был запечатлен во время принятия присяги – с автоматом в руках, на фоне знамени части. Она хранила ее в книге, подаренной Ибрагимом. Не выпуская из рук фотографию и время от времени поглядывая на нее, она продолжала читать, и слезы капали на ее страницы. Особенно ей понравился один отрывок из этой поэмы, и она решила переписать его в свой дневник, в котором она изредка делала важные для себя записи:

*Мой милый, смелее
Верьйся ты року,
Молись востоку,
Будь верен пророку,
Любви будь вернее!
Всегда награжден,
Кто любит до гроба,
Ни зависть, ни злоба
Ему не закон;
Пускай его смерть и погубит;
Один не погибнет, кто любит!
Любви изменивший
Изменой кровавой
Врага не сразивши,
Погибнет без славы;
Дожди его ран не обмоют.
И звери костей не зароят!*

III

Неприветливая страна Афганистан. Да и кто станет встречать-привечать тебя, если ты пришел на эту землю сеять раздор и смерть. Ибрагим вспомнил свой спор с Саидом и понял, что тот был прав. Разговоры об интернациональном долге, о помощи афганцам по их просьбе были рассчитаны на обывателя. Это стало очевидным уже через несколько дней после прибытия в Афганистан. Ковровые бомбежки городов и сел, убийство мирных жителей не имели ничего общего с пропагандируемой благородной миссией советского солдата. Средневековые города и села, жалкий быт, дикая природа – всё это было родным для афганцев и чуждым для советских воинов. Этим и объяснялось то, кажущееся невероятным на первый взгляд, почему все мирные днем афганцы ночью брали в руки оружие и шли на борьбу с врагом. Конечно, были и те, кто приветствовал и поддерживал Советскую Армию, но таких было значительно меньше.

Смутное, еще не до конца осознанное чувство несправедности творимого им, не помешало Ибрагиму показать себя настоящим солдатом. Он смело шел навстречу опасности, легко переносил все тяготы военной службы на войне. Ему, кавказцу, легче, чем другим, давались многодневные горные переходы, легче переносилась жара.

В тяжелом бою под Кандагаром отделение, которым командовал Ибрагим, отличилось. В течение шести часов, не потеряв ни одного человека, они удерживали занимаемую высоту. За мужество, проявленное в этом бою, Ибрагим был награжден орденом, а также краткосрочным отпуском на восемь дней. Это была высокая награда. Ибрагим от отпуска отказался, так как в это время был ранен его лучший армейский и боевой друг Крутов Юрий, который служил в том же батальоне, где и Ибрагим, но только в разведроте. Его взвод попал в засаду, Юрий был ранен в грудь – пуля прошла навылет через спину, задев левое легкое. Потеряв много крови, он чудом остался в живых. Боевые товарищи вынесли его из засады. После ранения Крутова Ибрагим был переведен на его место заместителем командира разведвзвода.

За тот год с лишним, что Ибрагим провел в Афганистане, произошло много всего. Была боль утраты, когда гибли боевые товарищи, была радость приобретения новых друзей, была кровь и смерть. Всего этого было более чем достаточно. Казалось, что этот ад не кончится никогда. Ибрагим писал домой письма и получал ответы. Но, ни на одно письмо, отправленное им Ольге, ответа не было, отчего он серьезно переживал. Также не было ответа и на письма, которые он отправлял в свою учебную часть своим друзьям, которые остались там. Ибрагим не понимал, что происходит. На письма Крутова к Галине также не пришло ни одного ответа. Юра в разговорах на эту тему пытался успокоить Ибрагима, объясняя ему, что замполит части Тарасов, очевидно, хорошо постарался изолировать свою дочь от нежелательного общения с чеченцем. Они решили разобраться во всем этом на «гражданке». После ранения и лечения Крутов был сразу же демобилизован по состоянию здоровья.

После небольшого ранения в бою Ибрагим получил очередную награду – медаль «За отвагу». Пролежав в госпитале месяц, он был выписан. Вскоре подошел конец срока службы, и Ибрагим был демобилизован в звании старшины. С военного аэродрома под Кабулом он летел до Москвы с офицерами, сержантами, рядовыми и ранеными. Военно-транспортный самолет летел тяжело, словно нес на себе груз смерти.

Люди на борту были мрачны, словно они оставили на чужой земле что-то главное, важное для них, может быть, частицу человеческой доброты, а может быть, и всю человечность, оставив себе только злобу и черствость. Каждый из них думал о том, как он встретится с близкими и родными, что будет рассказывать им. Они так долго ждали этого часа, чтобы покинуть чужую землю, где они сеяли только смерть и злобу. А возможно, кому-то из них, из офицеров, придется по долгу службы вернуться назад, чтобы потерять там и саму жизнь. Они летели

на свою родину опустошенные, хотя им перед отправкой домой, на плацу, было сказано, что они с честью и достоинством выполнили свой интернациональный долг и что их Родина СССР никогда не останется в долгу перед своими героями, воинами, отдавшими святой долг. Тогда все они испытывали чувство гордости. Но как только их самолет взлетел в небо, и рядом с их бортом показались сопровождающие истребители-штурмовики, люди вдруг перестали смотреть друг другу в глаза. Они почти все опустили головы и о чем-то задумались. Некоторые офицеры достали из поклажи водку и закуску и пытались, шутя развеять атмосферу отчужденности, разогреть стальную холодность. Но все оставались замкнутыми.

Родина Отцов

I

Сойдя с поезда «Москва-Грозный» на перрон железнодорожного вокзала Грозного, Ибрагим подошел к таксисту и объяснил ему куда ехать. Радости встречи с родиной, казалось, не было предела. Он ехал в такси по осенне-утреннему Грозному и во все глаза смотрел по сторонам. Он как будто впервые видел эти улицы, дома, спешащих по своим утренним делам людей.

Проехали город. Вдоль трассы лежали поля, а впереди, словно преграждая машине путь, стояли горы. Чем ближе подъезжали к селу, тем яснее открывалась великолепная панорама, созданная природой. Уже отчетливее стали виднеться лесистые горы, покрытые желто-золотистым осенним ворсом. За ними возвышались скалистые снежные горы. Мирная, спокойная Чечня во всей своей красе встречала Ибрагима. Дома не знали, что он приедет именно в этот день, но ждали.

Ибрагим ехал домой, радуясь, что наконец-то он увидит родителей, брата, сестру, друзей и родственников. Но радости от предстоящей встречи мешала грусть, которая не покидала его с того самого момента, когда он узнал, что произошло с Ольгой. В Москве Ибрагим навестил Крутова. Тот был очень рад встрече, рад тому, что его друг вернулся с войны целым и невредимым. После крепких объятий он поведал ему о печальной новости, которую узнал из письма Галины. Она сообщила, что письма от Ибрагима и Юрия они не получали, видимо благодаря отцу Ольги, а сами они не знали куда писать. Они даже в отчаянии обратились к капитану Литвинову, но его обещания помочь не оправдали их надежд. Ольга носила под сердцем ребенка Ибрагима. Никакие уговоры и угрозы не смогли заставить ее избавиться от внебрачно зачатого ребенка. При родах она скончалась, врачи не смогли спасти даже ребенка. Родители Ольги переехали в Ленинград на новое место службы.

Читая письмо, Юрий рыдал, а Ибрагим молча его слушал, устремив в никуда свой взгляд. Боль пронизывала его всего с ног до головы, а сердце разрывалось. Он был уверен, что это он убил ее, он винил только себя. Винил за то, что, защищая интересы гнилой политики государства, не смог, не сумел защитить свою любовь, своего ребенка. Почему он должен жить? Почему он жив? Почему его не убили? За что его так жестокого карает судьба? Его вдруг словно прорвало. Он начал срывать с себя ордена, погоны, сорвал китель, начал его топтать...

Юрий схватил его за грудки и со всей силы встряхнул, чтобы привести в себя. Он усадил Ибрагима в кресло и налил ему стакан воды. Ибрагим отпил пару глотков. Юра взял из холодильника бутылку водки и предложил ему выпить, помянуть Ольгу и ребенка. Ибрагим ответил, что у них, у чеченцев, спиртным не поминают умерших.

Юрий сообщил ему, что на днях должна приехать Галина и что они решили пожениться и будут рады видеть его на свадьбе. Сообщая другу эту новость, Юрий пытался скрыть свою радость, а сказал это как бы, между прочим, давая этим понять, что и в горе, и в радости они вместе на всю жизнь.

На следующий день они купили Ибрагиму кое-что из гражданской одежды, так как Ибрагим решил, что он больше никогда не наденет военную форму, а ордена и медали он оставил на память своему другу. Потом они поехали на Курский вокзал и, там попрощавшись, обещали писать друг другу, ездить в гости и расстались.

...Машина подъехала к селу. Живописное предгорное село уже пробудилось и жило своей утренней жизнью. Бегая по дворам, кудахтали куры в поисках пищи, важно шествовали

гуси, овцы, жалобно блея, спешили на луга, где они, несмотря на позднюю осень, могли нащипать себе на прокорм высохшую траву.

Радуюсь жизни, с палками наперевес бегала и играла в понятные только детям игры, неугомонная детвора. Обсуждая на ходу извечные женские темы, с ведрами на коромыслах шли на родник и возвращались с родника женщины. Любуясь идиллией сельской жизни, Ибрагим чуть не прозевал свою улицу. Наконец машина выехала на Береговую улицу, где он жил. Веселого нрава и обладающий определенной предприимчивостью таксист, решил выжать с этого извоза максимум пользы, а заодно, конечно, стать вестником добра. Усиленно нажимая на клаксон сигнального гудка машины, он ехал по улице на малой скорости. Удивленные люди выглядывали из своих домов, а детвора, получив взамен своей игре новую игру, приветствовала рулады, издаваемые клаксоном.

Подъехали к дому Ибрагима. На улицу выбежали все его родные. А впереди, конечно, самая родная и красивая на свете – нана (мама). И только отец не вышел. Даже в такую минуту мужчина должен оставаться мужчиной. Горе и радость он должен встречать достойно, по мере сил сдерживая свои эмоции, не показывая их людям, в том числе и своим домочадцам. Таксист, заслонив дверь машины со стороны Ибрагима, во всеуслышание заявил:

– Из самого Грозного в целостности и сохранности я привез вам сокровище в виде статного красавца, которого вы ждали целых два года. Он утверждает, что он ваш сын и едет из армии домой. Хоть он и не в военной форме, судя по вашим глазам, я склонен ему верить. Но для полной уверенности, мне нужно доказательство.

Хеда, хотя ей и не терпелось обнять сына, вынуждена была поддержать шуточный тон таксиста. Она заявила, что готова отдать все, лишь бы жестокий таксист освободил ее сына. Таксист согласился в обмен на барана отдать Ибрагима. Торг состоялся – баран в багажнике такси. Таксисту повезло, что овцы из хозяйства Заурбека еще не были выпущены на выпас. Несмотря на все уговоры, задержаться веселый таксист отказался. Он открыл дверь машины, из которой со счастливой улыбкой выскочил Ибрагим и бросился в объятия матери. Выгрузив с заднего сидения чемодан, таксист лихо развернулся и исчез в облаке пыли, оставив его и его родных наедине со своим счастьем. Шумно радуясь встрече, семейство вошло в дом, потом в комнату, где в тщетных усилиях скрыть свои чувства сидел Заурбек. Ибрагим с позволенной его возрасту горячностью и несдержанностью бросился к отцу и заключил его в свои объятия. Слезинка-правда, слезинка-предательница появилась на глазах Заурбека. Их внутренние чувства были не заметны для остальных, они были глубоко уважительны и взаимны, и достойны понимания между отцом и сыном.

Отец почувствовал, что его сын изменился, стал другим. Было похоже, что эти два года проведенные в армии оставили неизгладимую печать на его сыне.

– Спаси Аллах душу моего сына, мысленно произнес Заурбек.

В доме Тасуевых праздник. Настежь открыты ворота. И в горе, и в радости чеченцы всегда открывают свои ворота. Открытые ворота – символ счастья и горя и свидетельство того, что чеченцы одинаково принимают как радость, так и беду. Видя открытые ворота, друзья идут в дом, чтобы разделить с его жильцами горе и радость. И не только друзья, но и соседи, односельчане, прохожие – все те, кто хочет быть сопричастным в радости и горе. Сегодня в доме Заурбека радость, и к нему пришли соседи, родственники, друзья и односельчане. Почти все принесли подарки. Но что значат для Заурбека и его семьи подарки, когда судьба уже сделала им самый большой подарок в виде живого и невредимого Ибрагима, вернувшегося с афганской войны. Обычай требует отправления благодарственной молитвы – моулида – в честь возвращения Ибрагима, а затем – увеселительные мероприятия. Отдавая дань религии, в первый вечер провели моулид, заколов жертвенного бычка. На следующий день, предварительно разослав гонцов к родственникам и друзьям, собрали всех на синкьерам (вечер веселья).

К приходу гостей все приготовления к празднику были завершены. Для желающих подкрепиться до или после бурных танцев были накрыты столы, которые ломились от изобилия всевозможных блюд, закусок и фруктов; на отдельных столах имелись и горячительные напитки для желающих. Несмотря на обилие спиртного, ни один из присутствующих на празднике никогда не позволит себе выпить лишнего – иначе позор на всю жизнь.

Вечером во двор Заурбека начала стекаться молодежь. Парни и девушки шли отдельными компаниями. Девушки присаживались на стулья, а более молодые, не вступившие еще в возраст невест, встали позади сидящих; напротив них поодаль чинно выстроились молодые люди – потенциальные женихи. Чуть в стороне, но в поле зрения девушек, устроились мужчины. Для тех, кто был связан узами брака, – это место приятного времяпровождения; для других, вдовцов и прозевавших молодость мужчин, для которых надежда еще не умерла, о чем свидетельствуют их заинтересованные взгляды в сторону девушек, – это место, где есть возможность выбрать себе спутницу жизни. Кто знает, кому уготовано найти здесь, на этом празднике, свою единственную и своего единственного. Но кто-то найдет. Ведь помимо всего прочего, вечеринка на селе – самая живая ярмарка женихов и невест, и здесь начинаются знакомства, приводящие к супружеству.

Лихая гармонь разворачивает свои меха. И с первой барабанной дробью начинаются танцы. В начале тамаде приходится назначать танцующие пары. Все скромничают, азарта еще нет, и танцоры еще не вошли в раж. Через пару танцев тамаде уже приходится сдерживать желающих показать свое мастерство и удаль в зажигательной лезгинке и соблюдать строгую очередь, которая может быть нарушена только в том случае, если на вечеринку внезапно придет гость из другого села или города. Каждому вновь подошедшему гостю отдается предпочтение – уважение. Выскочив в круг, танцор делает несколько па, стараясь подчеркнуть свое мастерство и удаль в танце; при последнем па он плавно приостанавливается перед девушкой, которую он хотел бы пригласить на танец. Словно лебедь выплывает она в круг. То коршуном кружит вокруг нее кавалер, то орлом взлетает он над ней. Идет лихая игра танца, лихая игра лезгинки. Вечеринка оживает с каждым танцем. Кто хочет посидеть за столом и выпить, тот уходит к столам; кто хочет танцевать, тот возвращается в круг танцев, и так почти до глубокой ночи.

Танец имеет особое значение в жизни чеченского народа. Танцами, которыми люди отмечают приятные моменты в своей жизни чеченцы не раз встречали беду, тем самым давая знать как велика их любовь к жизни. Чеченка Дади Айбика вошла в историю своим последним победным танцем, который она совершила на развалинах своего павшего села Дади-Юрта.

Закончились праздники, посвященные возвращению Ибрагима. Следующая неделя была посвящена поездкам в гости к родственникам, которые по тем или иным причинам не смогли приехать на эти торжества. В их числе есть больные и немощные; есть и такие, кто обязан, согласно требованиям этикета, ждать прихода в гости к ним самого Ибрагима – это уважаемые старейшины и старики.

Начались будни гражданской жизни Ибрагима. В течение трех дней после возвращения домой он должен был зайти в районный военкомат и встать на воинский учет как демобилизованный в запас, а также посетить паспортный стол для регистрации.

В военкомате военный комиссар сделал ему замечание по поводу отсутствия военной формы. Там же ему выдали льготную книжку участника войны, выполнившего интернациональный долг в Афганистане. Дома он ее забросил куда-то и никогда больше не видел, как будто сквозь землю провалилась, да он ее никогда и не искал. Несколько раз его вызывали в общество ветеранов Афганской войны, но он так и ни разу туда не пошел.

Однажды его вызвали в МВД республики и предложили работу в органах милиции с перспективой поступления по направлению в юридический институт или школу милиции. Долго уговаривали, но он отказался, ссылаясь на здоровье, хотя был физически здоровым и силь-

ным. В Министерстве внутренних дел удивлялись его отказу: люди давали большие взятки, чтобы туда устроиться, а он отказывается даже тогда, когда его просят, чуть ли не умоляют, обещая большое будущее и карьеру на этом поприще. Но Ибрагим был неумолим. Он твердо знал чего хочет. Он хотел стать учителем русского языка и литературы. До поступления, то есть до начала вступительных экзаменов, оставалось более полугода. И всю зиму и всю весну он готовился для поступления в Чечено-Ингушский государственный университет, на филологический факультет.

II

Летом Ибрагим поступил в университет. При поступлении он не стал пользоваться льготами, предоставляемыми ему как воину-интернационалисту, чем вызвал уважение к себе приемной комиссией. Не акцентировал он внимание и на том, что состоял в КПСС, хотя члены партии имели преимущество при зачислении в институт. Коммунистов в республике боялись и любые неправомерные действия по отношению к ним карались жестоко верховной властью.

Начались студенческие годы. Благодаря тому, что он принимал в жизни университета активное участие, занимаясь общественной работой, а также благодаря жизненной активности, лед на сердце Ибрагима начал потихоньку оттаивать. В университете он занимался дзюдо и самбо, был старостой группы, членом партийного комитета университета.

Постижение азов профессии давалось ему легко, без особых усилий с его стороны. Этому способствовало главным образом то, что Ибрагим рано определился со своей профессией, и поэтому смог получить в школе основательные знания по выбранной специальности.

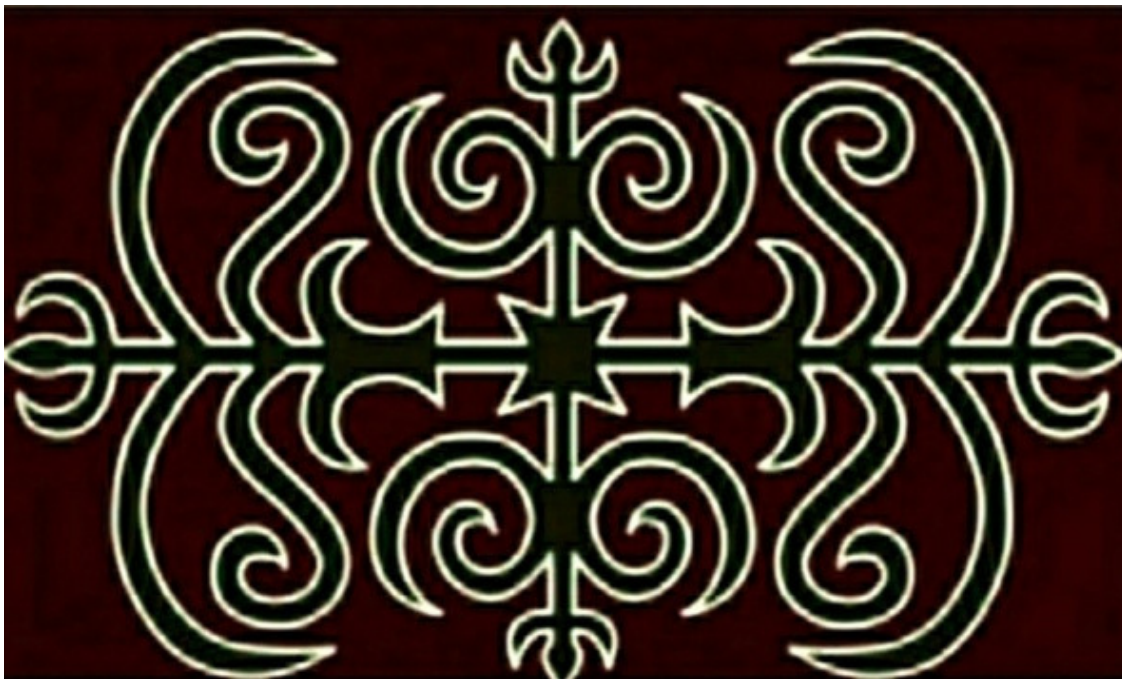
Университетская жизнь была очень интересной и содержательной. Чуть ли не каждый день происходило знакомство с классиками мировой литературы. Ибрагим настойчиво постигал богатство русского языка для того, чтобы в последующем нести свет своих знаний людям. Будучи студентом второго курса, уступая настойчивому желанию родителей, он женился. Избранницей его родителей стала та девочка Хава, которая несколько лет назад провожала своего брата в армию в тот же день, когда уходил служить и Ибрагим. Хеда, мать Ибрагима, очень долго и настойчиво уговаривала его жениться, в конце концов он сдался, и свадьба состоялась.

Невеста к этому времени уже окончила медицинский институт в городе Орджоникидзе, в Осетии. Она была достаточно красивой и милой. В период знакомства и в первые годы супружества он не испытывал к ней тех чувств, которые зовутся любовью. Его отношения к ней носили ровный, взвешенный характер. Лишь после рождения первенца Ислама Ибрагим начал по-другому смотреть на свою жену Хаву, начал замечать в ней массу положительных качеств и, главное, высокую жертвенность ее любви к нему. Осознание этого, помноженное на сладкий, нежный детский лепет Ислама, начало давать свои положительные всходы. В итоге получилась ладная семья, на зависть врагам и в пример друзьям.

После окончания университета Ибрагим по распределению пошел работать в среднюю школу города Грозного. Школа была современной и новой постройки. Коллектив принял его хорошо – этому, вероятно, способствовало то, что Ибрагим легко вступал в контакты с людьми и был отзывчивым человеком.

Передавая знания детям, он знал, что одним из столпов, на которых держится государство, является образование. От него зависят остальные три составляющие – здоровье, культура и экономика. Осознание роли своей профессии в дальнейшем росте человека как личности не давало ему идти ни на какие послабления в работе. К каждой мелочи он относился серьезно и ответственно. Его рвение не осталось незамеченным дирекцией школы. Уже через три года Ибрагим был назначен заместителем директора школы по учебной части. Он не захотел быть освобожденным от преподавательской работы и совмещал эти должности. Первые два года его семья жила на частной квартире. Потом он, по ходатайству городского отдела народного образования, получил земельный участок и начал строить дом. Большая часть семейного бюджета Ибрагима и Хавы уходила на его строительство. Но, несмотря на это, они не бедствовали – помогали родители. Так и жила эта обычная советская семья: Ибрагим учил детей, Хава лечила людей. Один только Ислам не был обременен обязательствами перед обществом. У него были свои детские заботы. Окруженный любовью родителей, дедушек и бабушек, он рос здоровым и любопытным мальчишкой. Очень часто, когда в доме Ибрагима случалась «запарка», Ислама

забирали в село дед с бабкой. Через три года после начала строительства дом был построен. Он получился добротный, со всеми удобствами. Справили новоселье и заодно рождение девочки у Ибрагима с Хавой.

Развал

I

Впереди была светлая и счастливая жизнь. Но непонятные не только обывателю, но даже интеллигенту Ибрагиму события, лавиной хлынули на советских людей. Каждый день стал приносить все новые потрясения. Казалось, вечно нерушимый гигант по имени СССР, построенный ценой усилий и жизни миллионов людей, начал с непонятным ускорением рушиться и, наконец, рухнул.

Народ находился в состоянии, близком к шоку. Всюду встречались нахмуренные и озабоченные лица, и только дети оставались веселыми и беззаботными.

События 18 августа 1991 года принесли в Чечено-Ингушскую АССР (ЧИАССР) новые беды. Зашаталось кресло под секретарем обкома КПСС Завгаевым, первым чеченцем за всю историю существования СССР, занявшим этот пост. Москва обвинила его в выжидательной позиции, которую он якобы занял по отношению к ГКЧП. Очевидно, Завгаев стал неугодным Москве.

Организованная в мае 1990 года Вайнахская демократическая партия сыграла роль катализатора политических процессов, в дальнейшем произошедших в ЧИАССР. В июле 1991 года на политической арене республики появился до того времени никому не известный генерал Джохар Дудаев. Единственное, что о нем знали в народе, это то, что он один из немногих чеченских генералов, что жена у него русская, что он из тейпа ялхарой и что его родственники проживают в поселке Катаяма. Разумеется, этого было недостаточно для того, чтобы выдвинуть Дудаева на роль лидера. Но Джохар Дудаев, бывший комендант военного гарнизона в городе Тарту (Эстония), был избран председателем Объединенного конгресса чеченского народа (ОКЧН) в городе Грозном, очевидно, не без помощи Москвы.

После позорного краха ГКЧП пробил час ОКЧН. На улицах Грозного начали собираться сначала малочисленные, а затем все более многочисленные митинги. Этим, отнюдь не большим группировкам, удавались акции, которые, казалось бы, под силу только целым дивизиям. Произошел захват МВД, КГБ по странному, на первый взгляд, стечению обстоятельств. На страже этих столпов государственности стояли по несколько сотрудников, которые даже не все имели на руках табельное оружие. Захват произошел бескровно. Армейские части никакого участия в пресечении этой вакханалии безвластия не принимали.

Ибрагим был свидетелем разгрома Дома политпросвещения. Он видел, как подогретая кликушескими призывами толпа народа хлынула на это здание. По его периметру стояла охрана из сотрудников МВД, но вооруженные милиционеры спасовали перед абсолютно безоружной толпой. Охрана даже не сделала слабой попытки успокоить людей.

Сознание Ибрагима начало проясняться, когда он стал свидетелем приезда в Грозный из Москвы группы Хасбулатова, которая оказывала посильную помощь Дудаеву. Вне всякого сомнения, она имела полномочия и задачу привести его на Олимп власти в Чечне на смену Завгаеву. Стало понятно, почему Завгаев, как говорится, без боя сдавал все свои позиции, одну за другой.

В сентябре 1991 года, уже в соответствии с новой конституцией, Чечено-Ингушская Республика (ЧИР) была провозглашена независимым государством. 15 сентября 1991 года, после самороспуска Верховного Совета ЧИР, образовался Временный совет, который был признан Москвой законным органом власти до новых выборов. По согласованию между Временным советом исполкома ОКЧН и советом депутатов всех уровней Ингушетии состоялось деление ЧИР на Чеченскую Республику (ЧР) и Республику Ингушетии (РИ). 27 октября 1991 года

в Чеченской Республике прошли выборы президента и парламента, окончательно оформившие образование нового государства.

Ингушский народ посредством общенародного референдума оформил свой возврат в состав РСФСР. Федеральный центр молчал. И только в ноябре 1991 года Верховный Совет РСФСР сделал заявление о том, что он не признает выборы в Чеченской Республике.

II

Много тропинок и троп в горах. По ним ходят звери и изредка человек, и то, большей частью, охотник. Эти тропы называются звериными. Есть тропы, по которым ходят или ездят горцы из одного села в другое, из одного района в другой, из одной страны в другую. Когда исчезает из глаз тропа, по которой идет горец, он должен, прежде всего, оглянуться назад, посмотреть по сторонам, чтобы по направлению пройденного пути, по приметам вокруг узнать, куда идти дальше.

Но корень добра и зла есть образование. Причем, чем фундаментальнее, чем глубже это образование, тем глубже корни добра. Образованные люди объединяются в образованные группы, образованные группы – в образованное общество. А общество – это народ. Чем образованнее народ, тем меньше он подвержен злу, тем больше у него сил творить добро. С высокого Олимпа, откуда веками исходило то добро, то зло для чеченского народа, с высокого Олимпа, называемого носителем и гарантом российской государственности, чеченскому народу была предложена идея свободы и независимости, которая была желанна, несбыточна и далека. Предложи жаждающему в пустыне глоток живительной влаги, разве он откажется? Но не опасен ли плен любви? Ни погибелен ли он, этот плен?

Интеллигенция – люди благоразумные. Ей грезятся призраки. Призраки прошлого. Это прошлое не совсем ясное и отчетливое в своих очертаниях. Эта интеллигенция помнит, как уничтожались яркие контуры прошлого, живые свидетельства истории. В годы депортации чеченцев и ингушей на кострах, которые становились все ярче и сильнее, уничтожались страницы прошлого, книги, джайны и тептары. Это было убийство памяти народа. Это было зло, более глубокое, чем депортация народа. Обрывочны теперь исторические сведения о прошлом чеченского народа.

Не каждая теория является аксиомой. С острым желанием дойти до истины, с острым желанием донести до мира всю правду о своем народе трудятся ученые-историки, чеченцы по национальности. Важно знать свою историю. Народ должен иметь проводника, помогающего ему идти по пути своего развития как обществу, как цивилизации; находить путь без губительных революций; с наименьшими общественными катаклизмами встать в русло развития и созидания. Особую опасность для малых наций и народностей несут в себе эпохи революций, эпохи перехода от одной общественной политической формации к другой. В этих условиях малым нациям и народностям необходимо спокойствие духа, которое позволяет ясно смотреть на мир и жизнь и оставаться твердым во всех превратностях мира. В мире, как и в жизни, сильный попирает слабого, сильный пользуется слабостью слабого.

Интеллигенция, по классическому определению – это прослойка общества. В силу объективных причин чеченская интеллигенция всегда была малочисленной. В силу объективных и субъективных причин она не была сплоченной в своих взглядах на исторические реалии. Невозможно в эпоху великих перемен, когда ломается десятилетиями привычный уклад общественного бытия, сохранить ясность мышления, способность всестороннего анализа происходящего. Сделав робкую попытку повлиять на происходящие в Чечне процессы через средства массовой информации и столь же робкую попытку повлиять живым словом на массы через митинги, оппозиционная часть интеллигенции ушла в тень. Другая же ее часть стала незримым для широких масс катализатором этих процессов, его невидимой пружинкой. Она незримо стояла позади выдвинувшихся и выдвинутых лидеров и направляла их, корректировала их движения и мысли, разрабатывала перспективные планы строительства нового чеченского государства. Она, именно она, вела чеченский народ, а не лидеры. Но куда, к чему?

Со всевозрастающим ускорением чеченский народ бросился вдогонку странам, ушедшим от колониального гнета; странам, народы которых сумели перейти от форм варварского обще-

жития к цивилизованному обществу. Но сумеет ли этот народ при таком маленьком потенциале, с отсутствием опыта строительства государства, слабой экономикой, глубокой зависимостью от России, как политической, так и экономической, продвинуться на следующую ступень своего общественного развития, построить свою государственность? Если сумеет, это будет большой заслугой России, потому что процессы, происходящие в Чечне, зависят от доброй воли России. Если не сумеет, то это будет большой виной России. Значит, не наступил великий исторический момент очищения России, значит, ее ждет позорная участь страны, несущей только зло.

Беловежская пуца канула в прошлое. В конце 1991 года СССР развалился. Российская Федерация (РФ) воспользовалась правом на самоопределение (хотя это право было формальным, так как в Конституции СССР не регламентирован правовой механизм выхода союзной республики из состава Союза ССР) и вышла из состава СССР вопреки результатам общенародного референдума, а в октябре того же года сформировались высшие органы нового государства. Декларативное провозглашение суверенитета Чеченской Республики произошло в 1990 году. В сентябре 1991 года была провозглашена ее независимость. Временные границы между провозглашением независимости ЧР и РФ очевидны. С точки зрения Конституции СССР, ЧР и РФ имели равные права на свое суверенное государственное устройство. Но федеральный центр отказался признать это же право за ЧР. Для того, чтобы понять подоплеку этой проблемы, нужно посмотреть, как происходило становление РФ как независимого государства. А оно происходило в чрезвычайных обстоятельствах, в условиях жесткой борьбы за суверенитет с союзным центром, что не могло не сказаться на характере взаимоотношений РФ со своими субъектами. Поначалу российская администрация вынуждена была пойти на значительные уступки субъектам федерации для того, чтобы обеспечить себе их поддержку в борьбе с союзным центром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.